

МОРИС ДОМАНЖЕ

БАБЕФ и ЗАГОВОР РАВНЫХ

Ленинград: «Прибой». 1925

Веб-публикация: редакторы сайта [Vive Liberta](http://ViveLiberta.com) и Век Просвещения, 2009. Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, помеченные римскими цифрами, даны нами.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Перевод с франц. сделан Л.Б.Грюнбергом,
встречающиеся в тексте стихи переведены А.И.Пиотровским.
Подстрочные примечания сделаны переводчиком.

ВВЕДЕНИЕ

I. Люди

Бабеф до 1789 г.
Бабеф во время революции
Бабеф во время термидоровской реакции
Буонаротти
Дартэ и Сильвен Марешаль
Жермэн и Бертран.
Лепельтье, Антонелль, Дебон и др.

II. Факты

Пантеониотское движение
Цели заговора, его возникновение и организация
Организация пропаганды
Выступление бабувистов
Арест и заключение в тюрьму бабувистов
Процесс Равных
Приговор. Пережившие драму

III. Идеи

Бабувисты - наследники Революции
Робеспьер и Бабеф
Идея завершённой революции
Равные и пролетарии
Равные и реформы
Разногласия между Бабефом и Антонеллем
Борьба классов
Бабувистская критика общества
Коммунизм и аграрный закон
Антимилитаризм и феминизм
Революционная диктатура: ее необходимость
Бабувистская диктатура: ее формы и средства
Отсрочка конституции 1793 г.
БАБУВИЗМ и МАРКСИЗМ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

ВВЕДЕНИЕ

Заговор Равных - по словам Жореса, - не только, «самый страстный порыв», «самая яркая вспышка» Французской Революции, но и первая во Франции попытка ввести коммунизм. Организованный социализм настоящим образом входит в историю через Заговор Равных.

Долг современных революционеров всех течений - знать славных работников, организовавших этот Заговор, факты, которыми он был отмечен, принципы, которыми он вдохновлялся. Настоящая книжка, разбитая на три главы, познакомит их в главных чертах и, смею думать, достаточно полно с этим движением.

Пусть же они воспользуются богатым опытом своих предков.

М. Доманже

І. ЛЮДИ

Бабеф до 1879 г.

Бабеф родился в Сен-Кантене 23 ноября 1760 г. Его отец, Клод Бабеф, по прозвищу «Шип», был родом из Монши-Лагаш - деревни, ныне входящей в состав кантона Ам. Крестьянский батрак в Моркур-на-Сомме, затем поденщик в Сен-Кантене, он некоторое время служил майором в войсках Марии-Терезии и был даже воспитателем будущего императора Австрии Иосифа II, - а это значит, что он не был лишен некоторого образования. Потому он и преподавал старшему из своих сыновей, Франсуа-Ноэлю, начала латыни, немецкого языка и математики. Так Бабеф провел свою молодость, получая, с одной стороны, образование у отца, с другой - помогая матери в хозяйстве и в уходе за маленькими братьями и сестрами.

Растущая нужда семьи вскоре вынуждает Бабефа оставить родителей и поступить на службу мелким писцом к феодинсту (особый тип стряпчего, сведущего в феодальном праве и состоявшего на жалованьи у владетельных дворян и крупных помещиков для защиты их прав). В этой должности Бабеф изучает землемерное дело. Два года спустя, 16-ти лет от роду, он поступает на службу к господину де-Бракмону, помещику из Дамори около Руа, затем к некоему Юллену во Фликскуре. Его отец тем временем умирает, взяв с него клятву, что он будет походить на Кая Гракха*. В 1782 г. Бабеф женится на скромной горничной, родом из Амьена, и избирает себе местом жительства Нуайон, затем Руа, где он сперва служит у землемера, а затем становится самостоятельным землемером-геометром.

Это было в 1785 г. До сих пор ничто в жизни Бабефа, несмотря на клятву, данную им отцу, не позволяло предугадать ту роль, которую он призван играть в будущем. Мы имеем перед собой человека, вышедшего из народа, отца семьи, который добивается сносного существования и достигает приличного положения трудом и любовью к знанию.

Бабеф держит несколько помощников, кормит свою семью и вынужден содержать свою мать и братьев; материальное положение его чрезвычайно затруднительно. В борьбе за существование, по своей профессии ему приходится часто вступать в сношения с высокомерной и скупой провинциальной аристократией.

Он должен разбирать старые феодальные документы. Его поражает их архаичность и хищническая сущность. Он открывает «ужасные тайны узурпаторов из благородного сословия» и научается презирать собственность. Он скорбит о судьбе крестьян, отданных во власть алчного помещика и хищного попа, и при случае оказывает крестьянам свою поддержку. Он, кроме того, читает Руссо, пламенная мысль которого так заразительна. Таким-то образом в его чуткой душе постепенно нарастает и зреет дух возмущения и мысль о равенстве.

Деятельный, неутомимый, любознательный и склонный к широким обобщениям, Бабеф не может замкнуться в кругу своей профессии. Он находит время для литературных и научных работ и посылает в академию г.Арраса доклад о реформе путей сообщения - тема, представляющая «широкое поле для защиты прав человечества». В этом докладе он ссылается уже на «Речь о неравенстве сословий» Жан-Жака**. С тех пор завязывается переписка между Дюбуа де-Фоссэ, деятельным ученым секретарем Аррасской академии, и скромным комиссаром из Руа.

* Младший брат Тиберия Семпрония Гракха. Оба, по происхождению патриции, были выдающимися вождями плебеев в Риме в конце II века до начала нашей Эры. Они вели мужественную борьбу с сенатом, состоявшим из патрициев, за расширение прав плебеев и за предоставление земель крестьянам. Они, в конце концов, оказались побежденными в этой борьбе и погибли, после чего все добытые ими завоевания были аннулированы победоносным сенатом.

** Жан-Жак Руссо, философ XVIII века, родом из Женевы. Своей пламенной проповедью равенства и возвращения к простому образу жизни, к природе, оказал огромное влияние не только на Францию того времени, но и на всю Европу. Один из наиболее выдающихся вдохновителей Великой Французской Революции. Его произведение «Общественный договор» было настольной книгой революционеров 1789 года. [Материалы о Руссо в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss).

Дюбуа де-Фоссэ находится в сношениях с Парижским музеем и различными провинциальными обществами. Он знакомит Бабефа с умственным движением эпохи, снабжает его массой сведений и обращает его внимание на многие вопросы. 26 октября 1786 г. Дюбуа получает программу брошюры, озаглавленной «Предвестник изменения всего мира через богатство, хорошее воспитание и общее благосостояние всех людей, или проект патриотического доклада о причинах всюду существующей огромной нищеты и о средствах ее радикального уничтожения». Он сообщает об этом Бабефу, который очень интересуется докладом и несколько раз настойчиво просит дать ему подробные сведения об этом произведении. Дюбуа исполняет его просьбу и сообщает Бабефу, как жители новой Саланты будут питаться, одеваться и устраивать жилища. Он пускается в ничемные подробности, в то время как Бабеф прежде всего добивается узнать, каким способом осуществить реформы. Дюбуа соображает, в чем дело, несколько позже, в марте 1787 г., когда он просит Бабефа дать ему темы для предстоящего конкурса академии Арраса, и Бабеф предлагает ему следующую тему: «Каково было бы при общей сумме современных познаний положение народа, общественные учреждения которого были бы таковы, что между всеми, без различия, отдельными членами общества существовало бы полнейшее равенство, что земля, на которой они живут, не принадлежала бы никому в отдельности, а всем вместе, и, наконец, что продукты всякого рода производства принадлежали бы всему обществу в целом? Допускает ли естественное право подобные учреждения? Возможно ли существование такого общества, и, более того, существуют ли практические средства для выполнения такого совершенно равного распределения?»

Для каждого, продумавшего содержание этого вопроса и сопоставившего его с прежними письмами, ясно, что Бабеф отныне сторонник коммунизма, или, как тогда говорили, сторонник идеи общности имуществ. Письма, которыми он вслед затем обменивается с Дюбуа де-Фоссэ, доказывают это более чем достаточно. Бабеф заявляет без обиняков, что индивидуальная собственность - причина всех зол и что законодательство - лишь орудие, «узаконяющее» грабеж и удерживающее в унижении «самый низший класс человеческого рода» в пользу «класса победителей». Он видит в общественной собственности и общем пользовании ею средство от несправедливости и общественного неустройства. Он пытается даже примирить «все радости общественной жизни» с «жизнью простой и естественной», близкой сердцу Руссо.

В XVIII веке все эти идеи были, без сомнения, довольно обыденным явлением. В то время наблюдалось довольно значительное «социалистическое» течение, которое опиралось на метафизические настроения эпохи, увлекалось утопией и мало заботилось об экономических вопросах. Мабли и Морелли были его главными представителями. Своеобразие коммунистических идей Бабефа не подлежит, однако, никакому сомнению. В то время как, например, Сильвен Марешаль делает из коммунизма учение о нравственности, находящее свое место в сборнике четверостиший, в книжке светских псалмов, в пасторальных сказках, обращающихся к золотому веку, или в стихах, прославляющих добродетель, Бабеф превращает коммунизм в экономическое и социальное учение, опирающееся, насколько возможно, на конкретные основания. Его интересует, главным образом, практическая сторона коммунизма. Говоря о «женевском мечтателе» и сравнивая его с известным уже нам реформатором, на которого ему указал Дюбуа де-Фоссэ, он отдает предпочтение последнему, потому что он, «мечтает лучше». «Чрезвычайно жаль, - прибавляет Бабеф, - что вопрос о средствах он оставляет открытым».

Тема для конкурса, предложенная им академии Арраса, в достаточной мере обнаруживает его определенные симпатии. С другой стороны, когда он говорит о хищничестве богачей, об использовании естественных богатств, о новой переписи имений, его идеи опираются на солидные экономические и юридические познания, которых нет у других коммунистов. Наконец, Бабеф видит возможность успеха коммунизма только в «великой революции», способной произвести «великие перемены». Таким образом, он ясно сознает политическую сторону коммунизма. И когда революция придет, Бабеф встретит ее с восторгом, постарается расширить, углубить и изменить ее: он попытается превратить войну против привилегированных в войну против собственников.

Бабеф во время революции

В начале 1789 г. чрезвычайно тяжелый экономический кризис, совпавший с созывом Генеральных Штатов, пробуждает Францию от долгого и тяжелого сна. Чувствуется, что наступают великие события: перед трудящимися классами встают огромные перспективы. Тысячи писателей сурово критикуют политический и общественный строй в бесчисленном количестве широко распространяемых брошюр. Бабеф не может молчать. В «интересах огромного большинства» он пишет статью о «коварной политике привилегированных» и предлагает, без всякого, однако, успеха, некоторые добавления к «Наказу байажам г.Руа»^{***}. Он не падает духом; и мы видим, как он сначала открыто клеймит депутата Марка Прево, которого версальцы заигрыванием переманили на сторону аристократии, затем он торопит печатание своей книги «Постоянный кадастр». Он ее предложит впоследствии Национальному Собранию и провозгласит в ней необходимость равного распределения налогов.

Затем Бабеф приезжает в Париж через несколько дней после взятия Бастилии. Здесь начинается его лихорадочная деятельность. В одной брошюре он нападает на Мирабо и затем добивается личной беседы с ним. Он присутствует на заседаниях Национального Собрания, ведет переписку с Лондоном по делу некоего де-Тура и находит время урывками писать своей жене, нужда которой «раздирает его душу».

После выхода своей книги, когда он возвращается в Руа, популярность его чрезвычайно велика. Трудно сказать, на какие средства он живет, так как профессия феолиста пропала и он не может содержать семью на доходы от своих произведений. Тем не менее, политическая деятельность поглощает его целиком и безвозвратно.

Он пишет разного рода докладные записки, петиции брошюры, воззвания для городского управления Руа, вплоть до некрологов. Все эти работы указывают на его неослабевающую энергию и на ту легкость, с которой он писал. Одно время его обвиняют в подстрекательстве к предпринятому трактирщиками Руа выступлению, и местное городское управление поддерживает обвинение. Следует приказ об его аресте. Его задерживают ночью и отправляют в парижскую тюрьму Консьержери, откуда он освобождается после двухмесячного заключения.

Вернувшись в Руа, он вместе со своим другом, печатником Дэвеном из Нуайона, издает областной листок информации и борьбы «Пикардийский Корреспондент», который распространяется в трех департаментах: Эны, Уазы и Соммы. Бабеф лелеет горделивую мечту создать новый тип газеты, способной охватить одновременно прошлое, настоящее и будущее революции. Он намерен, с одной стороны, дать полный сборник декретов, отчеты заседаний Национального Собрания, ходатайства, воззвания и инструкции отдельных административных органов, а с другой - он хочет выработать основные положения будущего законодательства, обращая внимание читателей на «скрытые пороки чудовищной конституции» и принимая от них всякого рода указания, требования и исправления. Бабефу, конечно, не удалось осуществить такую широкую программу, но он, тем не менее, сумел создать вокруг своей газеты атмосферу горячей симпатии. «Пикардийский Корреспондент» быстро становится опорой всех угнетенных. Бабеф, как «сочувствующий друг и покровитель», организует при газете консультационное бюро, к которому устремляется потоком весь местный мелкий люд. Бабефа осведомляют о всех имеющих место незаконных поборах, ему доносят о непрерывных вымогательствах дворян, о всех актах насилия и подлога. Он собирает все эти компрометирующие документы и наносит меткие удары земельным аристократам и себялюбивым богачам. Они скрежещут зубами и указывают на Бабефа, как на опасного апостола того «аграрного закона», который был тогда общим пугалом дворянства и буржуазии. Вновь арестованный и отправленный в тюрьму Шатель, в Париже, Бабеф освобожден по

^{***} Байажи (baillages) - земельные округа, на которые была разбита Франция до Французской революции. Байажи возглавлялись байи (bailli), которые были членами Генеральных Штатов и обладали определенными судебными полномочиями, ограниченными пределами своего округа.

настойчивому требованию Марата. Он присутствует на большом празднестве федерации (14 июля 1790 г.)ⁱ и выпускает по этому поводу зажигательную прокламацию.

По возвращении в Руа, Бабеф стал во главе национальной гвардии и возобновил борьбу в «Пикардийском Корреспонденте». Он участвует в движении, связанном с коммунальными имуществами, и продолжает с еще большей смелостью призывать к восстанию против властей и законов старого режима. «Лозунги упомянутого Бабефа, - говорится в донесении городского управления Руа от 7 апреля 1792 г., - которые он путем печати и устной агитации щедро бросает в массы, вызывают брожение даже у наших соседей, а именно в городах Нуайоне, Сен-Кантене и Неле. Муниципальные чиновники этих городов горько жалуются на то, что они испытывают из-за этого в своей административной деятельности огромные затруднения и большие неприятности».

Во время этой революционной работы Бабеф переписывается с Купэ, священником из Сермеза, около Нуайона, который впоследствии был избран депутатом Законодательного Собрания. Письмо Бабефа от 10 сентября 1791 г. действительно является, по словам Альбера Тома, важным документом в истории коммунизма, но только в том смысле, что Бабеф в нем с полной откровенностью высказывается за аграрный закон; этот закон кажется Бабефу основным условием осуществления демократии, и он предлагает Купэ, в доброй воле которого он не сомневается, действовать в Законодательном Собрании осторожно, но смело в интересах углубления революции. Это было время, когда, по словам самого Бабефа, «еще не пришел момент» для выступления коммунизма на политическую и парламентскую арену борьбы. Вот это обстоятельство (а вовсе не какая-то «первая формула оппортунистической традиции французского социализма») придает такое огромное значение письму Бабефа к Купэ.

В сентябре 1792 г. Бабеф был назначен членом администрации департамента Соммы. Тогда же он поселился в Амьене, где вскоре напал с резкой критикой на своего друга молодости, депутата Андре Дюмона. Своей вечной полемикой, подозрениями и обличениями Бабеф становится несносным в глазах своих более умеренных коллег. Не прошло и двух месяцев, как его положение сделалось совершенно невыносимым, и он переходит на службу в администрацию дистрикта (уезда) Мондидье. Эта местность ему хорошо знакома. Он получает возможность выступать более свободно и с большим успехом бичует холопство города и его округа.

Он имеет смелость приветствовать почти один смерть Людовика XVI; он санкционирует своим присутствием публичное сжигание феодальных эмблем и королевских портретов; он протестует против уездной власти, прибегающей ко всяким уловкам, чтобы предотвратить опечатание огромных имуществ знатных эмигрантов. Его новые коллеги смотрят на него очень косо и ставят себе задачей повредить ему при первом удобном случае. Бабеф должен, казалось бы, быть на чеку, следить за каждым своим шагом, за каждым поступком. Ничуть не бывало!

С непостижимым неблагодарием подделывает он акт о присуждении национального имущества, заменяет одну фамилию другой, ставит в тексте более раннюю дату. Обычной в таких случаях заверкой он придает этой бумаге характер подлинного официального документа. Бабеф это проделал вместе со своим коллегой Жодьеном. И тот и другой лично не присутствовали при составлении акта. Подделка явная, и обстоятельства, при которых она была совершена, не менее очевидны. Это было больше чем «оплошность», как уверяет Габриэль Девилль; это была серьезная ошибка, в чем Бабеф, впрочем, отдал себе отчет и пытался ослабить ее значение.

Его личная незаинтересованность была, конечно, вне сомнения: все те, которые принимали участие в этом деле, единогласно подтвердили это; но, по всей вероятности, ненависть к богатым, желание оказать услугу мнимым или настоящим санкюлотам, толкнули его на этот поступок, недостойный уважающего себя администратора.

Директория уезда заволновалась и указом от 4 февраля 1793 г. об'явила недействительными подписи, исправления и выноски, сделанные Бабефом и его товарищами. Она, кроме того, направила жалобу на Бабефа в директорию департамента. Началось следствие, и двое человек были арестованы. У Бабефа остался лишь один

ⁱ См. Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г. http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl_90.htm#Bf.

выход из положения - скрыться в Париже, чтобы избежать ареста, пытаться распутать свой процесс и заняться газетной работой, что вполне отвечало его вкусам и революционным стремлениям.

Он помогает прежде всего Фурнье-американцу, в его работах и его полемике против Марата; гражданка Бабеф тем временем бьется в тисках ужасающей нужды в Руа. Наконец, Бабеф находит службу. Его назначают секретарем управления продовольствием Парижа, откуда он переходит на службу в комиссию по продовольствию Республики. Его жена и дети перебираются к нему. Но спокойная жизнь продолжается недолго. Он опять привлекает к себе внимание своими листовками и брошюрами. Судьи Мондидье приказывают арестовать его за неявку в суд. Всякий на его месте пришел бы в отчаяние. Но он неукротим, он забрасывает своими докладными записками правительственные комитеты и министра, он пишет прокурору Коммуны Парижа Шометтуⁱⁱ и Менесье.

17 фримера II года (7 декабря 1793 г) Бабеф временно освобожден из заключения. Сильвен Марешаль до его обратного приема в управление продовольствием предоставляет ему работу в «Революциях Парижа». Бабефу, однако, не везет: он опять арестован. Он призывает на помощь «великодушного Сильвена». Его дело, прекращенное приговором кассационного суда, передано в уголовный суд департамента Эны, который 30 термидора II года (16 августа 1794 г.) вынес постановление о недостаточности данных для его обвинения. Отсидев месяц, Бабеф оказался снова на свободе.

Бабеф во время термидоровской реакции

Бабеф вернулся в Париж. На короткое время он возвращается к своей службе в продовольственном бюро, но жажда литературной борьбы не оставляет его. Он начинает издавать «Журнал свободы печати». Здесь как бы открывается новая страница в жизни Бабефа.

Робеспьер и его друзья пали. Наступила термидоровская реакция. Общественное мнение начинает постепенно рассматривать революцию только как море крови.ⁱⁱⁱ Громадное число республиканцев убито или арестовано; другие, растерянные, усталые, с отвращением молчат; наконец, некоторые, бессильные плыть против течения, воспринимают антитеррористическую идеологию, которая питается яростью аристократов, мстительностью и горечью бывших жирондистов, постыдной наглостью бывших проконсулов.

ⁱⁱ Пьер Гаспар (Анаксагор) Шометт – выдающийся общественный и политический деятель Великой французской революции. См. о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>.

ⁱⁱⁱ См., например: К.Добролюбский. Термидор (полный текст монографии) http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book; К.Добролюбский. Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев) http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf; Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен ВФР http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kunow_caffe.pdf.

«Пастырь» Сильвен Марешаль, покровитель Бабефа, не помнит больше, что и он был вместе с «волками»: он помогает Прюдомму в фабрикациях «Преступлений революции». Бывший марафонец Андре Дюмон, земляк Бабефа, рубит по «кровопийцам» с тем же неистовством, с каким он в свое время преследовал черную сотню «негодяев». Сам Бабеф присоединяет свой голос к общему хору всякого рода контр-революционеров. В нем опять проявляется тот сентиментализм, с которым 23 июля 1789 г. он выразил одновременно свое удовлетворение и «недовольство» казнью Фулона****. Он так выделяется своими выступлениями против робеспьеристов и революционного правительства, что якобинцы Лиона объявляют его роялистом. В брошюре, озаглавленной: «О системе сокращения народонаселения, или жизнь и преступления Каррье»^{iv}, он пытается доказать, что партия Робеспьера преследовала чудовищный план сокращения народонаселения страны с целью его возрождения. Какое заблуждение! Совершенно нелепо было взваливать всю тяжесть преступлений Каррье - вандейскую войну, внешнюю войну, гильотину и проч. - на плечи одного Робеспьера, того самого Робеспьера, который, подобно другим революционерам, несомненно заплатил «неизбежную дань роковым условиям времени и человеческой слабости», но который публично краснел при мысли о том, что он может «быть осквернен грязным соседством такого порочного человека, как Каррье».

В «Журнале свободы печати» Бабеф продолжает ту же работу, что и в своей «Системе сокращения народонаселения». Ни одна газета не нападает с большим усердием на побежденный террор; но, с другой стороны, ни одна газета не щадит так мало термидоровцев. На-ряду с бывшими гебертистами, Бабеф возвращается в общем к агитационной платформе Парижской Коммуны II года. Он порицает диктатуру якобинцев, но желает все-таки разбудить заснувшую революцию, он хочет претворить в дело прекраснейший из лозунгов: «Целью общества является общее благо». Он занимает таким образом противоречивую позицию.

С одной стороны, он содействует контр-революции, с другой стремится к продолжению и расширению революции. Его политическое чутье и способность ориентироваться в обстановке постепенно приведут его, однако, к более трезвой и правильной оценке событий. Он скоро поймет, что пошел по неправильному пути.

Тем временем ему приходится расплачиваться за свои резкие нападки на термидоровцев. 12 нивоза III года (1 декабря 1794 г.) был опубликован приказ об его аресте. Он спасается бегством, но 17 плювиоза III года (5 февраля 1795 г.) его задержали и заключили в парижскую каторжную тюрьму, затем в arrasскую тюрьму, куда он прибывает 25 вантоза III года (15 марта 1795 г.)^v. Здесь он встречается с несколькими революционерами, будущим ядром «Заговора Равных». В это время он еще находил возможным доверять Фуше*****.

М О Р И С Д О М А Н Ж Е

Б А Б Е Ф и З А Г О В О Р Р А В Н Ы Х

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

**** Финансист и видный государственный деятель старого режима, казненный восставшим народом 22 июня 1789 г.

^{iv} Полный текст этой работы опубликован в библиотеке Ю.Карякина: <http://liberte.newmail.ru/Books/Babeuf-Car0.html>. Жан-Батист Каррье – депутат Национального конвента, представитель в миссии в Нанте (материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carr>); в исторической литературе преобладает негативная оценка его личности и деятельности, однако разделяется не всеми исследователями (см., например, в нашей библиотеке работу П.Щеголева «После термидора (очерки по истории термидорианской реакции)» http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf).

^v См. письмо к Тибодо из Arrасской тюрьмы: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babef/brief_tibodo_1795.htm.

***** Фуше - монтаньяр, член Конвента, типичный политический перевертень, державший нос по ветру, примазывавшийся всегда к партиям победителей и предавший, после термидоровского переворота, своих товарищей по революционной борьбе. Материалы о Жозефе Фуше: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>. Характеристика, которую здесь дает Морис Доманже, чересчур прямолинейна. Никто иной, как Фуше, став министром полиции при Директории, давал работу бывшим якобинцам; сыграл он и определенную положительную роль в замене смертной казни ссылкой участникам антибонапартистских республиканских заговоров.

Переведенный в Париж, в тюрьму Плесси, 24 фруктидора III года (10 сентября 1795 г.), Бабеф знакомится там с новыми революционерами и сближается с ними, особенно с Дебоном, возвратившим его окончательно и бесповоротно в лоно робеспьеризма.

Постановлением «Комитета Общественной Безопасности» от 26 вандемьера IV года (18 сентября 1795 г.) Бабеф выпущен, наконец, на свободу. Большинство его товарищей по заключению воспользовались амнистией 4 брюмера (9 октября 1795 г.) и были освобождены вслед за ним. Мы почти всех их встретим потом в пантеонистском движении, послужившем прологом к «Заговору Равных».

Буонаротти

На первый план выдвигается теперь Буонаротти, одна из наиболее привлекательных фигур Французской Революции. Шарль Нодье называет его «решительным и серьезным революционером, своей скромностью и мягкостью характера превосходящим всё то, что можно требовать от человека его взглядов»^{vi}.

Говорят, что он был потомком Микель-Анджело. Он родился в Пизе 11 ноября 1761 года в дворянской семье, родом из Флоренции. Мало развитый до 12 лет, он лишь с этого времени начинает приобретать достаточно серьезные познания в математике и некоторые, менее значительные, философские понятия. Когда Буонаротти достиг 17-тилетнего возраста, отец отправил одаренного пылким воображением и чутким сердцем юношу в университет Пизы для изучения права. Там он слушал лекции профессора Сарти, ученика Локка^{*****} и Кондильяка^{*****}, и профессора Ламприди, который развивал теорию ограничения королевской власти. Эти лекции, пополненные чтением Жан-Жака, Мабли^{*****} и Гельвеция^{*****}, Юма^{*****}, дискуссиями со студентами, особыми беседами с Сарти, воспламенили в душе Буонаротти «любовь к философии и к свободе». Став доктором прав, он некоторое время занимался судебной практикой адвоката, но бесплодное изучение практики судопроизводства было ему не по душе. Вскоре он вступил в открытую борьбу с правительством и вознагражден был за это ненавистью и преследованиями со стороны сильных мира.^{vii}

Когда началась революция, он буквально поглощал новости, приходившие из Франции, и в нескольких статьях, помещенных в итальянской газете, превозносил это великое освободительное движение. В октябре 1789 г., «опьяненный любовью к свободе», с Отвращением к инквизиции и гнету деспотизма, он не выдерживает: покидает свою семью, свое имущество и отправляется в Корсику. Здесь он издает сперва газету, озаглавленную «Друг итальянской свободы», а затем вторую, под названием «Патриотическая газета Корсики». К концу 1790 года он назначается администрацией департамента в управление по делам духовенства и по урегулированию национальных имуществ. Религиозные фанатики сосредоточили на нем свою оппозицию гражданскому положению о духовенстве. Во время восстания в Бастилии его арестовывают, оскорбляют, избивают и тащат в порт, босым, без шапки, затем заковывают в кандалы и отправляют морем в Ливорно в распоряжение великого герцога Тосканы. В Ливорно народ, видевший в нем «врага Христа», взбунтовался и чуть не линчевал его. Но Буонаротти доставили невредимым в тюрьму, из которой он вышел благодаря

^{vi} Шарль Нодье, неоднократно цитируемый М. Доманже, - <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#nodier>.

***** Английский философ XVII века, положивший начало материалистической философии. Он рассматривал наши познания, как результат опыта, поддерживаемого размышлением; автор «Опыта о человеческом разумении». Умер в 1704 г.

***** Французский философ XVIII века, отец философской школы сенсуалистов, автор «Трактата об ощущениях» и др. Умер в 1780 г. Этьен де Бонно Кондильяк (1715-1780): <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cond>.

***** Старший брат Кондильяка, французский историк и юрист, автор «Публичного права Европы». Габриель Бонно де Мабли: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>.

***** Один из гениальнейших французских философов-материалистов XVIII в., автор многочисленных сочинений, из которых книга «Об уме» за ее резкие нападки на религию и монархию была по приказу папы и короля подвергнута публичному сожжению. Клод Анри Гельвеций (1715-1771): <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hiv>.

***** Английский философ XVIII в., автор известного труда «Исследование о человеческом разуме». Умер в 1776 г.

^{vii} Материалы о Филиппо Буонаротти: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#phbuon>.

заступничеству Национального Собрания перед Леопольдом I, великим герцогом Тосканы.

По возвращении в Корсику, Буонаротти отправился немедленно в Кортю, чтобы вновь занять свой пост. Здесь его время делилось между административными обязанностями, преподаванием естественного права и работой в местном народном обществе. Генеральный Совет департамента, в своем заседании от 12 февраля 1792 года, горячо засвидетельствовал свое уважение к усердию, мужеству, патриотизму (этот термин был тогда синонимом революционности), честности и просвещенности Буонаротти и поддерживал ходатайство о натурализации, посланное им Национальному Собранию.

Вынужденный в марте того же года вернуться по семейным делам в Тоскану, он опять подвергся преследованиям. Его бумаги были конфискованы, имущество секвестровано. Ему пришлось тайком бежать через северную Италию, чтобы пробраться во Францию. Он снова приступил к исполнению своих обязанностей в департаменте и вступил в борьбу с Паоли, влияние которого росло и давало себя чувствовать даже администрации департамента. Буонаротти ушел из администрации, но на следующий день, 23 октября 1792 г., Совет округа Кортю назначил его национальным комиссаром при окружном суде той же местности. Это назначение дало ему возможность оказывать противодействие притеснительным мерам и произвольным арестам, которые производились по приказу Паоли и администрации департамента. Гонения на него усиливаются. Но он продолжает идти прямо своей дорогой к раз намеченной цели.

Французское правительство тем временем снаряжает экспедицию в Сардинию, находившуюся еще под феодальным игом. Народным обществом Кортю Буонаротти намечен как «апостол свободы» к сардинцам. Ответственное и опасное поручение! Он отправляется 17 декабря 1792 г. «с мечом в одной руке и Декларацией Прав в другой», без всяких средств к существованию, кроме продовольствия, отпущенного ему французами, и нескольких экю¹¹ от семейства Бонапарта. «Я разобью злать, я просвещу санкюлотов, - обращается он в пламенных выражениях к Конвенту. - Моя жизнь - вечная борьба за свободу... Моя заветная мечта - быть глашатаем правды. Я прошу у Национального Конвента защиты и помощи моей жене и моим дорогим детям в том случае, если моя жизнь понадобится для торжества всемирной свободы. Пусть Европа будет свободна, и я умру счастливым». Впоследствии он дает отчет присяжным Вандома в своей апостольской миссии: «Мои функции состояли в том, чтобы проповедывать сладостное учение Природы; я видел, как стекались ко мне отовсюду люди всех возрастов, мужчины и женщины. Несчастные сардинцы, казалось, пробуждались от долгого сна; они братски обнимали друг друга. Я видел, как злать принимала принципы равенства и улыбалась своим рабам. Я видел любовь на всех лицах, и черная месть бежала из сердец, которые так долго этой мезтью терзались. Как всемогуще обаяние добродетели! Мне трудно жилось: каждая минута предвещала мне мой последний час, но я видел, как творилось добро, - я видел, как этот спасительный бальзам, казалось, постепенно проникал во все сердца, и это было новой высочайшей радостью и заставляло меня забывать все опасности».

На острове св.Петра, впоследствии названном островом Свободы, Буонаротти собрал «самые сладкие плоды» своих проповедей. Жители отреклись от социальных подразделений и социальной вражды и выработали демократическую конституцию. Буонаротти помог им написать этот «памятник» мудрости, который он с гордостью преподнес Конвенту 28 апреля 1793 г.

Письмо от 21 января 1793 г. к коменданту острова Равенства, бывшего острова св.Антиоха, показывает нам, как Буонаротти способствовал «облегчению страждущего человечества»; он побуждал к распределению хлеба, принадлежавшего «приверженцам тирана Сардинии», между наиболее нуждающимися. Экспедиция в Сардинию потерпела крах, главным образом благодаря двойственной игре Паоли. Буонаротти, отправившийся на лодке к стенам Кальяри, чтобы обратиться с речью к народу, был встречен картечью. Тогда Буонаротти вместе с депутатом Салисети [более привычная транслитерация - Саличетти] вернулся во Францию, где генеральный совет Тулонской коммуны выдал ему грамоту на гражданство. Он обращается затем к Конвенту с требованием немедленной

¹¹ Французская монета того времени, ценностью около 5 франков.

помощи для защиты острова Свободы и возобновляет свою просьбу о натурализации. Декретом от 27 мая 1793 года Конвент провозглашает его французским гражданином.

Якобинцы принимают его в свои ряды. Он сближается с Рикором, Лэньело и Вадье^{viii}. Совершенно разоренный, без средств к существованию, он собирается поступить преподавателем в парижский пансион, но корсиканские члены Конвента обращаются к нему с просьбой вернуться к ним на родину. Надо восстановить политическое положение Корсики, скомпрометированное проделками Паоли. Нужен человек, который своими знаниями и мягкостью характера сумел бы опять привлечь целую политическую партию к Республике. Временный Исполнительный Совет возлагает это поручение на Буонаротти. Он уезжает. Прибыв в Лион в такой момент, когда достаточно было назвать себя республиканцем, чтобы сойти за изверга, он был на несколько дней арестован. Выпущенный на свободу, он едет дальше и по дороге в нескольких местах умиротворяет граждан, вступающих в междоусобную борьбу.

Приехав в Ниццу, он не может сесть на пароход, так как декретом Конвента все комиссары исполнительной власти отозваны обратно. Тогда Рикор и Салисети, руководящие осадой Тулона, отправляют его в Комитет Общественного Спасения, чтобы обратить внимание на готовящиеся новые военные выступления контр-революции. Буонаротти пользуется своим возвращением в Париж для возбуждения судебного преследования против двух клеветников, имевших наглость называть его аристократом и агентом-provokатором. Он получает удовлетворение. Его опять торопят ехать в Корсику. Он уезжает, но, так как англичане держат море в своих руках, Салисети отменяет его поездку и поручает ему ускорение подготовки морских сил. С этого времени ему доверяют самые разнообразные поручения по флоту, и затем представители Конвента Салисети и Альбитт посылают его в качестве национального комиссара нести охранную службу и наблюдать за имуществами, принадлежащими Республике в местностях, расположенных за пределами Ментоны. В продолжение 10 месяцев Буонаротти, на которого, собственно говоря, было возложено управление княжеством Онейль, оказывал помощь беднякам, агитацией и пропагандой завоевывал их для Республики, обеспечил народу скорое правосудие, воевал во главе республиканцев с врагами Революции. Такие усилия не могли остаться бесплодными. Несмотря на вымогательства и насилия солдатчины, «которая как будто поставила себе задачей возбудить ненависть ко всему французскому», Буонаротти удалось внушить населению доверие и вызвать в нем такую любовь к Революции, что население добровольно и торжественно потребовало своего присоединения к Республике.

Ясно, что после 9 термидора Буонаротти не мог долго занимать такого ответственного поста. Обвиненный в терроризме, Буонаротти был арестован 15 вантоза III года (5 марта 1795 г.), препровожден в Париж и брошен в тюрьму Плесси. После выхода из нее он примыкает к бабувистскому движению.

Дартэ и Сильвен Марешаль

На-ряду с блестящими деятелями революции Бабефом и Буонаротти, довольно крупной величиной был и Дартэ.^{ix}

Родом из Сен-Поля, в департаменте Па-де-Кале, он был одновременно и человеком действия и человеком науки. Когда вспыхнула революция, он в это время изучал право в Париже. Он тотчас же вмешался в борьбу. Он содействует освобождению французской гвардии, при осаде Бастилии получает ранение, участвует затем в осаде Венсенна. Он еще совсем молод, и все же его назначают членом директории своего департамента. Он оказывает большие услуги Революции, и в особом декрете ему выражена благодарность отечества.

^{viii} **Жан-Франсуа Рикор** (1759-1818), депутат Национального конвента от деп. Вар; представитель народа при Итальянской армии, вместе с Робеспьером-младшим. **Жозеф-Франсуа Лэньело** (1752-1829), депутат Национального конвента от Парижа, монтаньяр. **Марк Алексис Гийом Вадье** (1736-1828), депутат Учредительного собрания, затем Национального конвента, член Комитета общей безопасности в 1793-94 гг. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vd>, биографическая справка <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#vadier>.

^{ix} О Дартэ см. также: Д.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/nejacob_tugbaran.htm.

Дальнейшим шагом в его карьере была должность общественного обвинителя при революционных трибуналах Арраса и Камбре. Он проявил себя здесь, по словам Буонаротти, как «неподкупный и верный Республике судья». В одном случае он удачно рассеял сборища контр-революционеров. Как зять Жозефа Лебона^x, пользовавшегося репутацией кровожадного человека, как убежденный робеспьерист, ненавидимый всеми врагами Революции, Дартэ не мог ускользнуть от термидоровской реакции. Он также был заключен в тюрьму после 9 термидора.

Шарль Нодье, не расположенный к нему, почти не знающий его, описывает его, как человека с «физиономией хищного зверя», «с чертами лица, изможденными кровавыми ночным оргиями». Буонаротти знает Дартэ и отзывается о нем с большой похвалой: «Дартэ соединял в себе большие познания и страстную любовь к истинной справедливости со строгостью нравов и отзывчивым сердцем». Буонаротти находит его «смелым», постоянным, деятельным, непреклонным, чрезвычайно ловко распознававшим и употребляющим для своих целей страсти людей, с которыми он соприкасался. В другом месте он называет его «неутомимым и бесстрашным», а также «способным передать своим слушателям свой собственный душевный пыл, подавить стихом спешные порывы и примирять оттенки мнений». Это - чрезвычайно ценные качества для заговорщика.

Сильвен Марешаль, которому придется играть выдающуюся роль в заговоре, представляет странную противоположность Дартэ, а также Бабефу и Буонаротти. Маленького роста, брюнет, заика, физически беспомощный, несколько пугливый после заключения в тюрьме Сен-Лазар и высылки из Парижа до революции, - он вносит в дело бабувистов свои богатые умственные способности. Он начал свою деятельность с легкой поэзии и в 1779 г. выступил во имя Природы против королей, попов и богачей.^{xi}

В 1781 г. он в своих поэтических отрывках клеймит злодеяния золотого тельца, показывает, что личное присвоение явилось началом всех бедствий человечества, и противопоставляет вере в бога богачей, находящих, что все к лучшему в этом лучшем из миров, свой атеизм, берущий начало в нищете большинства:

Да, в бога верит он, предательский Мидас,
Ступая по коврам, сменяет он атлас
Постели розовой на стольную палату.
Он верит в небеса за месячную плату.
Не знает он о зле,
Все - благо перед ним,
И нищий ни один утешен не был им.
Я ж бедняков сосед, я житель их селений,
Бессильный им помочь, свидетель их мучений,
Во мне клокочет гнев и ненависти страсть,
О боге помню я, чтобы его проклясть.

В возрасте 34 лет он становится жертвой религиозного фанатизма и лишается должности сотрудника библиотеки Мазарини, как автор «Книги, которая спаслась от потопа». В 1788 г. он поставил перед общественным мнением вопрос о переделке христианского календаря на светский и всемирный. В труде, появившемся в свет в начале 1789 г. и запрещенном полицией, он печатает страстные страницы против неравенства и выдвигает даже идею всеобщей забастовки.

^x **Гислен Франсуа Жозеф Ле Бон** (1765-1795), депутат Национального конвента от деп. Па-де-Кале, представитель народа в Аррасе. Как и за Каррье (см. выше), за ним закрепилась в исторической литературе репутация «отъявленного террориста»; другая оценка дана ему П.Щеголевым в работе «После термидора (очерки по истории термидорианской реакции)» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf). Интересна для углубленного представления об этой личности его переписка с Комитетом общественного спасения, в частности, с М.Робеспьером (http://vive-liberta.narod.ru/doc/mr_lett.pdf).

^{xi} Сильвен Марешаль: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>. См. его статьи в «Парижских революциях» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch2.pdf>) и пьесу-памфлет «Страшный суд над королями» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>).

После смерти Лустало^{xii}, Марешаль стал главным редактором «Революций Парижа», одной из наиболее читаемых газет того времени, и повел с ней жестокую борьбу против сил угнетения и обскурантизма; там же он в феврале 1791 г. проповедывал идею новой, «полной» революции.

Во время полемики с Лагарпом, он пояснил свою мысль в следующих выражениях: «Французская революция - это настоящий аграрный закон, который народ проводит в свою жизнь. Народ уже овладел своими правами. Еще один шаг, и он овладеет своим богатством». Кроме того, в смелом памфлете, выпущенном в это же время и озаглавленном «Ее Величество Природа у решетки Национального Собрания», он открыто требовал передачи в общественную собственность всего того, что было роздано с таким «чудовищным неравенством». Он требовал также упразднения государства. Ячейкой социальной среды его утопии была семья, расширенная сотней кровных родственников, вроде знаменитой общины Пинонов около Тьера в Оверни которая просуществовала до 1812 г. и на которую он сочувственно ссылается в одном из своих произведений.

Он был другом сентиментального любителя морали Шометта, был близок к Камиллу Демулену, Николаю де-Бонвиллю и Пайдану, жил в Париже, в самом центре событий, непрерывно писал и подвергался одно время нападкам Давида и Тальена - и все же сумел благополучно пережить самый страшный период Революции. Так же удачно он вышел впоследствии невредимым из «Заговора Равных».

Жермэн и Бертран

Шарль Жермэн, молодой человек 25 лет, заносчивый, высокомерный, порывистый и вспыльчивый, нисколько не походит на такого одинокого и спокойного мыслителя, человека науки, как пожилой, уже под 50 лет, Сильвен Марешаль. Жермэн родился в Нарбонне в честной плебейской семье и провел свое детство частью на родине, частью в школах Парижа, где Артур Дильон, епископ Нарбонны, выхлопотал ему стипендию. Домашние несчастья не дали ему продолжать учение, и он поступил добровольцем в армию в 1780 году. Революция застала его еще простым солдатом, лишенным возможности играть какую-нибудь роль в движении. 14 июля 1790 г. он принес революционную присягу в Шлештадте. 10 августа 1792 г. он находился на берегах реки Вар, вместе со своими товарищами по оружию, ожидая приказа двинуться в графство Ниццы. В тот день, когда армия узнала о провозглашении Республики, она переправилась через Вар, и Жермэн попал в Италию. Оттуда он был переброшен со своим полком в Пиринеи. Приказом от 12 фримера (1 ноября 1793 г.) командированных в армию Западных Пиринеев представителей народа, он произведен в гусарские офицеры и остается в этой должности до 24 прериала (15 мая 1794 г.). Затем его лишают чинов и присуждают к 3-месячному тюремному заключению за речь, произнесенную на трибуне народного общества.

М О Р И С Д О М А Н Ж Е

Б А Б Е Ф и З А Г О В О Р Р А В Н Ы Х

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{xii} Элизе Лусталло, замечательный публицист своего времени. См. Ю.Попов. «Энциклопедия Французской революции»: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#popov.

Выйдя из тюрьмы, он отправляется в Париж. Здесь он добивается своего восстановления в правах и произносит язвительную речь против комиссара, который его разжаловал. Всесильные реакционеры уже и без того выдвинули против этого представителя Конвента чудовищное обвинение, превращая его ошибки в преступления. При таких условиях Жермэн легко отказался от своей реабилитации и решил терпеливо ждать исправления несправедливости, жертвой которой он стал. Арестованный 27 нивоза III года (16 декабря 1794 г.) за то, что он резко осадил в ложах Конвента одного «мюскадена»¹² за его антиреспубликанские речи, он был препровожден в Комитет Общественной Безопасности; здесь Ровер, даже не допросив его, при одном виде его так называемой «якобинской» шевелюры, оставил его под арестом. Приказ об аресте был сформулирован весьма просто: «для порядка по невыясненным причинам». Из тюрьмы Орти он был переведен 6 флореаля (25 апреля 1795 г.) в тюрьму Плесси, затем в Аррас. Здесь он вступил в переписку с Бабефом. Последний ознакомил его со своими социальными идеями, со своими проектами, с «великим делом», которым они должны «безотлагательно» заняться. Таким образом он и еще несколько других товарищей по заключению создают ядро будущего «Заговора Равных». Жермэна переводят, наконец, в Париж и освобождают лишь на основании закона от 14 фруктидора (2 сентября 1795 г.). Он был талантливым оратором, с бурным красноречием, полным остроумия, с нервной, сжатой логикой. Нодье так говорит о нем: он излагал свои идеи всегда четко и ясно, иногда блестяще. Доказательства как будто рождались сами собой, выводы так живо вытекали из фактов, заключения так естественно формулировались в умах слушателей, что в момент, когда он делал заключительный вывод, слушателям казалось, что они и сами так думали.

Антуан Мари Бертран не был, подобно Жермэну, Бабефу и Марешалю, плебейского происхождения. Тем более замечательно его присоединение к «Заговору Равных». Он был вначале богатым фабрикантом. Благодаря своей преданности Революции, твердости характера, скромности и бескорыстию, он стал во главе коммуны Лиона в начале 1792 г. Перед ним стояла задача обуздать федералистов и роялистов, бывших в большинстве в этом городе.

В течение целого года Бертрану удавалось держать их в подчинении; и когда в 1793 г. вспыхнули первые волнения, он прямо заявил пришедшим к нему уполномоченным от роялистских секций, что при первом признаке восстания он взорвет орудийным огнем их сборный пункт. Он так и поступил бы, если бы в его распоряжении были достаточные силы; но один, без поддержки, окруженный врагами, он должен был спастись бегством. В Париже его ввели в клуб Кордельеров, где он вскоре приобрел огромное влияние. Был момент, когда его чуть не постигла судьба Шалье¹³, но народ так горячо защищал его, что он отделался тюремным заключением.

Арестованный 9 термидора II года¹⁴, как агент Робеспьера, вместе с несколькими другими лионскими демократами, он вышел из тюрьмы только после 13 вандемьера IV года (25 октября 1795 г.). Полагают, что знакомство с Шалье и «социалистические» меры, принятые в Лионе Колло д'Эрбуа, Фуше и Альбитом^{xiii}, повлияли на его ориентацию в сторону коммунизма Равных.

¹² «Мюскаденами» называлась «золотая молодежь» после термидоре, буржуазные щеголи-реакционеры.

¹³ Известный якобинский деятель, член Конвента, ставший жертвой контр-революционного восстания в Лионе, руководимого жирондистами, и в разгар восстания гильотированный ими же. Мари Жозеф Шалье (1760-1793): <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chaliere>.

¹⁴ 27 июля 1794 г. - исторический день свержения власти якобинцев, положивший начало реакции. На следующий день, 10-го термидора, был казнен Робеспьер, вождь якобинцев и один из величайших деятелей Французской Революции.

^{xiii} Жан-Мари Колло д'Эрбуа (1749-1796), депутат Национального конвента от Парижа, выдающийся деятель Великой французской революции: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb> (см. реферат современной работы франц.историка М.Бьяра «Против черной легенды» <http://vive-liberta.narod.ru/ref/CH.pdf>). Радикально-демократическую прокламацию Ж.Фуше см., напр.: http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf. Антуан Луи Альбит (1761-1812), депутат Национального конвента от деп.Сены, известен как недюжинный организатор во время работы в миссиях; его отчеты Конвенту и Комитетам составляют большой и важный пласт документальных источников (напр., в сб. под ред. А.Дживелегова, «Французская революция в провинции и на фронте: Донесения комиссаров Конвента», М.-Л., 1924)

Лепельтье, Антонелль, Дебон и др.

Феликс Лепельтье, брат убитого члена Конвента^{xiii-bis}, и Антонелль, бывший депутат Законодательного Собрания и бывший судья Революционного Трибунала, были оба родом из дворянской семьи, подобно Буонаротти. Это были люди сильной воли. Первый презрительно отказался от должности комиссара директории Версаля, которую предложил ему Карно. Второй, не считаясь с народным гневом, подвергаясь риску попасть в тюрьму, не побоялся протестовать против насильственного давления некоторых лиц на совесть судей во время процесса «двадцати одного жирондиста».

Дебон был автором труда против собственности; он последовательно перечислял все причиняемые ею бедствия и решительно стоял за диктатуру. К его советам всегда внимательно прислушивались. Дидье, бывший красильщик в Шуази-де-Руа, затем присяжный Революционного Трибунала, под конец слесарь в Париже, не обладал умственным развитием Дебона, но был человеком, заслуживающим доверия, усердным, деятельным, ловким, преданным, умеющим хранить тайны, одним словом - был для заговорщиков незаменимым человеком. Клеманс, назначенный агентом связи проектируемой революции, был в числе сражавшихся 10 августа, был затем членом клуба якобинцев и членом Комитета Надзора Парижа. В качестве последнего был командирован с Маршаном в департамент Сены и Сены-Уазы по приказу Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности. Подобно Дидье, он был потом присяжным Революционного Трибунала, затем был арестован вместе с Маршаном, освобожден и опять арестован, на этот раз как приверженец Робеспьера. В крепости Ам он сидел с Бушоттом и Пашем. Клеманс и Маршак, едва только вышли на свободу, опять примкнули к парижскому движению, еще раз попали в тюрьму и просидели до брюмера IV года.

Не стоит останавливаться на личностях Дюплэ, бывших квартирохозяев Робеспьера, и Друэ, сына почтмейстера, арестовавшего Людовика XVI в Варение. Что касается гражданских и военных агентов заговора, то мы увидим в дальнейшем, что, вопреки утверждению Нодье, они заслуживают «чести быть упомянутыми». Это совсем не были простые статисты, вынырнувшие из подонков общества «с необузданной наглостью», «яростными воплями», «скандальными выходками»; это были революционеры, в большинстве своем занимавшие важные посты в разгар движения. По своим стремлениям, по твердости характера и по практическому уму, они были достойны своих вождей.

И те, и другие были последними представителями героической породы людей 1793 года, которые заставили содрогнуться весь мир. Это видно по их двойному характеру апостолов и солдат: они вербуют новых сторонников и готовятся к борьбе. Об этом речь идет ниже. Нельзя не преклониться перед замечательной жизнью этих людей, столь различных по происхождению, развитию и темпераменту и тем не менее единых по исключительной широте характера, по мощной ненависти к классу господ, по непоколебимой вере в торжество коммунизма, по спокойному мужеству, с которым они готовились взвалить на себя тяжесть огромной и беспощадной революции.

В эпоху, когда революция замирает, словно от внутреннего истощения, они хотят разбудить ее и думают это сделать углублением и обновлением ее руководящих идей.

В эпоху, когда торжествуют ренегаты, спекулянты и убийцы, они идут против течения, встают во весь реет, как непреклонные борцы, и жертвуют жизнью за дело освобождения пролетариата.

Мы увидим далее, как они группируются вокруг Бабефа и участвуют в «Заговоре Равных».

МОРИС ДОМАНЖЕ

БАБЕФ и ЗАГОВОР РАВНЫХ

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{xiii-bis} Луи-Мишель Ле Пеллетье де Сен-Фаржо (1760-1793), депутат Национального конвента (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>), старший брат Феликса. Ему принадлежит, в частности, план создания системы республиканского воспитания и обучения.

II. ФАКТЫ

Пантеонистское движение

По выходе из тюрьмы, где они могли на досуге измерить глубину общественного зла и подробно разобрать конституцию 1795 г. «с большей зрелостью суждения, чем любое первичное собрание избирателей», патриоты, т.-е. убежденные революционеры, застали голод, нищету и упадок воли в народе, подкупность, разврат и заносчивость в правящих классах. С глубоким огорчением и понятным беспокойством смотрели они на ужасающие успехи контрреволюции и на ее грядущие завоевания в случае, если они не вмешаются в события. Поэтому они объединились и столкнулись на общей задаче борьбы с волной реакции.

Среди них обозначились два течения. Одно состояло из людей, действовавших больше по увлечению, чем по разуму. После многих и долгих лишений они тешили себя надеждой на получение видных мест и на другие выгоды от власти. Это течение было демократическим, оно во всяком случае противопоставляло себя буржуазии, но оно вносило в демократию все недостатки и пороки окружающей среды. Второе течение, правда более слабое, образовалось из убежденных сторонников равенства; это были люди сильные духом, а серьезность положения делала их еще более мужественными. Это течение не хотело приспособляться к новому порядку вещей; наоборот, оно стремилось вести народ к обратному завоеванию своих прав. Итак, с одной стороны - оппортунизм, более или менее замаскированный идеей завоевания политической власти и овладения государственным аппаратом, на основе, однако, конституции 1795 г. С другой стороны - гибкая по внешним условиям, но непреклонная по существу оппозиция, строгая непримиримость, неизменный призыв к конституции 1793 г., - или, как говорили тогда, - узкая односторонность.

Вряд ли приходится говорить о том, что Равные держались последней тенденции; но следует отметить, что вначале границы между этими двумя течениями, если не среди вождей, то по крайней мере в массах, не были вполне ясно очерчены. Только с развитием борьбы, с логикой действия, «соглашатели» и «непримиримые» резко отмежевываются друг от друга.

Просто республиканцы, которых мы назовем для большей ясности буржуазными республиканцами, сторонниками Директории, считали «подлинным народом» образованную и обеспеченную часть населения. Против них-то и против роялистов вели борьбу демократы.

Бабеф ясно подчеркнул занимаемую им позицию по отношению к этим республиканцам, у которых республиканство выражалось только в антиклерикализме. В 35 номере газеты «Народный Трибун» мы читаем: «Мое перо никогда не было только республиканским, оно было и не перестанет быть демократическим, плебейским, а это совсем другое дело». Дальше он пишет: «Демократы, плебеи не должны отделяться друг от друга; что же касается просто республиканцев, то они нам не родня; это порода ублюдков».

Обращаясь в том же номере к Шарлю Дювалю, редактору «Журнала свободных людей», он говорит: «Вы, по-видимому, собираете вокруг себя только республиканцев, - направление плоское и довольно двусмысленное; таким образом вы проповедуете только пустую республику; мы же объединяем всех демократов и плебеев, - определение, представляющее, без сомнения, более положительный смысл: наше учение - это чистая демократия, неограниченное и безусловное равенство».

Само собою разумеется, что демократических республиканцев и плебеев, а среди них и Равных, клеймили как якобинцев, террористов, анархистов, и что их изображали в самых мрачных красках.

История странным образом повторяется. Карикатура того времени изображала «непримиримого» человека со свирепым лицом, с пистолетом в одной руке и кинжалом в другой. Не хватало только еще кинжала в зубах.

В первое время демократы собирались в кафе, в садах. Шла оживленная дискуссия. Но так как демократы соблюдали строгую осторожность, то эта дискуссия не давала и не могла дать каких-либо существенных результатов для общего дела. Вот почему, в начале брюмера IV года Бабеф, Буонаротти, Дартэ, бывший член Конвента Жюльен де-ля-Дром^{xiii-c} и Фонтенелль взяли на себя инициативу создания «руководящего центра», к которому могли бы присоединиться разрозненные революционеры. По этому поводу состоялось несколько собраний, но, за отсутствием единства взглядов и взаимного доверия, попытка не удалась.

Положение, однако, настойчиво требовало объединения. Некоторое время спустя, была сделана вторая попытка. Дартэ, Жермэн, Буонаротти, Массар, Жюльен де-ля-Дром, Бертран, Лакомб и несколько других собрались вновь... «Эта встреча была очень трогательна, - говорит Буонаротти, - надежда раскрыла все сердца, все дали клятву верности в единстве и в борьбе за торжество равенства».

Немедленно встал вопрос о форме организации. Организовать ли одно общество или несколько в различных округах Парижа? На другом заседании, в небольшой беседе в саду старого аббатства св.Женевьевы, было решено создать единое центральное общество. Его задачей было в рамках ненавистной конституции оказывать давление на многочисленных республиканцев, завоевывать симпатии равнодушных масс, вернуть им сознание своих прав и своей силы в ожидании момента, когда их призовут к борьбе. Был учрежден клуб Пантеона.

Собрания происходили в старой трапезной Женевьевского монастыря, бесплатно предоставленной одним патриотом в распоряжение клуба, или же в обширном монастырском подземелье, «где бледный свет факелов, смутный гул голосов и неудобные позы присутствовавших, принужденных стоять или сидеть на земле, напоминали о величии и опасности предприятия и о необходимости мужества и осторожности».

Революционеры охотно примыкали к клубу Пантеона: число членов вскоре поднялось до двух тысяч. Одновременно сами собой появлялись и другие такие же общества в различных частях столицы. То тут, то там пробуждались республиканцы и в провинции. Бабеф в газете «Народный Трибун», заменившей его «Журнал свободы печати», разоблачал преступления и алчность правящих и богатых.

Директория скоро начала беспокоиться. 15 фримера IV года (16 декабря 1795 г.) полицейский инспектор пришел арестовать Бабефа на его квартире. Но народный трибун бежал и ускользнул от полиции в лабиринтах Рынка. Дартэ и Дидье нашли убежище для него в одном старом монастыре.

Тогда именно и была организована у бывшего члена Конвента Амара своего рода тайная «политическая школа». Там занимались исследованием глубоких причин несчастий человечества и мер к их устранению. Все сходились на том, что причину общественного беспорядка и угнетения большинства следует искать в «неравенстве богатств», а материальных условиях жизни и в частной собственности. Уничтожение социального неравенства должно поэтому стать целью борьбы. Дискуссия велась, главным образом, о средствах к достижению этой цели. Победила, наконец, точка зрения «общности имущества и труда». Но в виду того, что большинство народа лишь с трудом усваивает эти «пути правды и справедливости», решено было - после долгого и серьезного обсуждения - взять конституцию 1793 г., как главную платформу агитации и привлечения масс.

Оставалось только приступить к делу, но недоверие, которое вызвал к себе Амар, повело к распадению комитета.

Однако, восстание уже чувствовалось в воздухе. Немедленно после распада комитета, в разных пунктах Парижа сорганизовались кружки «демократов», в которых действовали Дартэ, Буонаротти, Антонелль, Жермэн и др. Эти кружки функционировали

^{xiii-c} **Марк-Антуан Жюльен** (1744-1821), называемый Жюльен из Дроммы, депутат Национального конвента. Его сын, тоже **Марк-Антуан** (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#m_a_jul), наз. Жюльен-младший, или Жюльен из Парижа, был агентом Комитета общественного спасения; в эпоху Первой империи и Реставрации отошел от политики, занимался вопросами педагогики. См. переписку семьи Жюльенов (http://vive-liberta.narod.ru/doc/land_lett2.pdf), а также переписку М.Робеспьера (http://vive-liberta.narod.ru/doc/mr_lett.pdf).

одновременно с обществом Пантеона; в то же время Бабеф из своего убежища бил тревогу в газете. Парижский народ постепенно выходил из своего оцепенения.

В это время полиция арестовала жену и детей Бабефа. Клуб Пантеона протестовал. Он вел тогда ожесточенную борьбу с объединенными силами реакционных журналистов, ораторов Совета Пятисот и агентов правительства, ловко проникших в ряды членов клуба. Несмотря на все меры предосторожности, принятые пантеонистами, чтобы уцелеть, вроде, например, попыток организации публичного культа, их дни были сочтены. Искали только повода для уничтожения так называемого «разбойничьего вертепа».

Дартэ дал этот повод. Он читал вслух номер «Народного Трибуна», в котором члены Директории и конституция подвергались нападкам. Роспуск клуба был декретирован, и 9 вантоза IV года (28 февраля 1796 г.) генерал Бонапарт это распоряжение выполнил.

Закрытие клуба послужило сигналом к дальнейшим преследованиям. Многих патриотов лишили их общественных должностей; право собраний, и без того уже ограниченное, было урезано еще больше. Но зато удвоился и гнев демократов. Все, от самых умеренных до самых крайних, единодушно желали скорого уничтожения диктаторской власти. А так как парижское население волновалось по поводу недостатка продовольствия, так как жизнь дорожала, так как легальные выступления стали невозможны и время для академических разговоров миновало, то Равные, - передовой отряд оппозиции, - решили, что настало время действовать и положить основы подпольной повстанческой организации.

Цели заговора, его возникновение и организация

Какие конкретные цели преследовала эта организация? Их наметили уже раньше собравшиеся у Амара^{xiv} патриоты: ближайшая цель - восстановление конституции 1793 г., более далекая - коммунизм.

Чтобы добиться таких результатов, нужно было, согласно Буонаротти, «собрать воедино и подчинить себе всех друзей свободы, подсчитать их силы, толкнуть их на борьбу за свободу, информировать их, не рискуя при этом скомпрометировать дело и его участников болтливостью или предательством».

Маленькие комитеты, рассеянные по столице, способные отступить от намеченного центром плана и стать в то же время игрушками в руках интриганов и врагов революции, должны были исчезнуть и уступить место единой организации. Бабеф и его друзья убедили демократов в необходимости такой формы объединения.

Разрозненные комитеты были распущены, и в начале жерминаля IV года (1 марта 1796 г.) был составлен Тайный Распорядительный Комитет (в русской литературе его обыкновенно называют Тайной Директорией). Первыми членами его были Бабеф, Антонелль, Сильвен Марешаль и Феликс Лепельтье. 10 жерминаля к нему присоединились Дартэ, Буонаротти и Дебон. Комитет часто собирался у Хлебного рынка, в квартире льежца Клериса, который приютил у себя Бабефа.

В организованном этими людьми заговоре видна опытная рука, замечательное практическое чутье и понимание необходимости борьбы. Видно, что эти заговорщики опытни в революционном движении и что они обстоятельно продумали свое предприятие, прежде чем приступили к его воплощению.

Трудность состояла в том, чтобы суметь одновременно развернуть и широкую пропаганду и тайное руководство возможными только в конспиративной форме конкретными действиями восстания. Необходимо было, с одной стороны, агитировать среди населения, просвещать малосознательных, ободрять слабых, давать директивы народным ораторам и служить для всех руководящим центром. С другой - нужно было втихомолку разрешить главные проблемы гражданской войны, чтобы в день восстания снабдить Равных всем необходимым для победы оружием, избежать тех промахов, колебаний, неосторожностей, которые предшествуют обыкновенно подавлению плохо подготовленных выступлений.

^{xiv} Жан Пьер (или Батист) Андре Амар (1755-1816), депутат Национального конвента, член Комитета общей безопасности в 1793-94 гг. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar>.

Организация заговора была зафиксирована постановлением, 3 пункт которого гласил, что в совещаниях Тайной Директории участвуют только ее члены. Никто другой из заговорщиков, какую бы роль он ни играл в движении, к этим совещаниям не привлекался. Это постановление имело, очевидно, целью сохранить в неизвестности вождей движения. Тайная Директория собиралась почти каждый вечер, решала текущие дела, изучала условия восстания, намечала законодательные меры, которые последуют за восстанием, и, наконец, проектировала учреждения Республики Равных. Переписка и работы были распределены между всеми членами Директории. Бабеф, вынужденный скрываться от преследований, редактировал почти все письма и инструкции. Он был настоящей душой заговора. Его несомненный талант публициста, его изумительная работоспособность, необузданная энергия, страсть к идеям равенства, горячее стремление бороться с угнетателями, абсолютное бескорыстие, ясность и твердость убеждений, мятежный дух, физические и нравственные мучения, которым он постоянно подвергался, - все это ставило его бесспорно во главе движения.

Его инструкции доходили до агентов, размещенных по всем почти округам Парижа, но не по почте, а через посредство Дидье, специально назначенного для связи.

В общей предварительной инструкции, адресованной агентам, указывались средства, при помощи которых можно будет добиться успеха. В одном месте этой инструкции говорилось, что, если агент изменит или проговорится, предприятие не пострадает, но виновнику грозит гибель.

Эти агенты играли в заговоре существенную роль и были весьма тщательно подобраны Тайной Директорией. Они были испытанными революционерами и, в общем, оказались на высоте порученного им задания. Агент 1-го округа Морель был членом национальной охраны, и ему приходилось бывать по делам во всем парижском районе. Он сотрудничал время от времени в газете Антонелля: «Плебейский Оратор». Агент 2-го округа Менессье был раньше начальником парижской полиции. Агент 3-го округа Казен, бывший инспектор парижского Арсенала, оказал значительные услуги в критический период Революции. Агент 4-го округа Буэн был раньше мировым судьей секции рынков. Агент 5-го округа Гюльем был раньше почтовым курьером Лиона. Агент 6-го округа Клод Фике был одним из руководителей восстания 1 прериала. Агент 2-го департамента Бодсон, родившийся в 1765 г., бывший раньше художником - гравером, затем ювелиром, начал свою революционную деятельность как заседатель мирового суда секции Нового Моста (Pont Neuf). Избранный затем заместителем судьи, он, во времена Гебера и после 9 термидора, был начальником полиции Коммуны. Два раза он сидел в тюрьме. Моруа, тип рабочего революционера, воспитанного в школе нищеты, работал в предместьи Сен-Марсо.

На военных агентов были возложены такие же важные обязанности, как и на гражданских. Генерал Фион состоял при доме Инвалидов, Жермэн - при полицейском легионе, Массей - при отрядах, расположенных во Франсиде (у Сен-Дени), Ваннек, бывший комендант столицы - при войсках вообще. К ним были прикомандированы впоследствии Жорж Гризель для Гренельского лагеря, а затем Росиньоль и Массар. Последний был генерал-ад'ютантом во время санкюлотских министров Паша и Бушотта. Специальное постановление указывало, что от них требуется: «Агенты должны следить за ежедневным состоянием военного духа армии; они должны отмечать в своих донесениях перемещения воинских частей, благоприятные или неблагоприятные для восстания, они должны отмечать отдельных лиц, наиболее способных, по их наблюдениям, оказать помощь движению, и т.д.».

Инспектора Жермен и Дартэ наблюдали за поведением гражданских и военных агентов, исправляли, если нужно, их действия, воодушевляли их новой энергией. Таким образом всякое уклонение, всякая бездеятельность отмечались и вызвали суровый выговор со стороны центра. «Помни, - пишет Тайная Директория Казену, - что ты больше не принадлежишь себе; с тобой говорят люди, которые не шутят с заговорами. Горе тому, кто злоупотребит их доверием».

Состоя в тесных сношениях с патриотами, которым было поручено непосредственное участие в политической работе, агенты через их посредство влияли на глубокие слои парижского населения и на массу солдат, жалобы которых они передавали Тайной Директории.

Таким образом народные стремления и побуждения снизу направлялись вверх, доходя до Тайной Директории. Последняя, осведомленная из других источников о намерениях правительства и о степени подготовленности движения, могла с полным знанием дела высказаться в том или другом смысле. Она то удерживала страстные порывы, проповедуя благоразумие, то давала волю народному гневу и нетерпению. Могущественная нейтралистская организация заговора позволяла, таким образом, тщательно подготовить нападение на государственную власть и поднять восстание в подходящий момент.

Организация пропаганды^{xv}

Пропаганда велась через газеты, афиши, брошюры, семейные клубы, песни и через организацию ячеек в мастерских и в армии.

С самого своего возникновения Тайная Директория безостановочно составляла, печатала и распространяла подпольно литературу, предназначенную для просвещения пролетариев и сочувствующей мелкой буржуазии. «Народный Трибун» и «Просветитель Народа», - последний по цене более доступный карману народных масс, - стали официозными вестниками заговора. Несмотря на препятствия, которые чинились им правительством, эти газеты проникли в провинцию и за пределы страны: в Базель, в Геную, в армию Рейна и Мозеля, на правый фланг итальянской армии. Они обладали такой заразной силой, что солдаты военной школы запирались по 100 человек в одной комнате, чтобы читать без помех. Ежедневная «Газета свободных людей», в которой писал Антонелль, оказывала, с другой стороны, большие услуги делу тем, что открывала на своих столбцах дискуссию о форме правительства и об общественной системе.

Бабеф предполагал привлечь на сторону движения еще несколько других газет. Из помещенного в «Народном Трибуне» письма мы узнаем, что, начиная с нивоза IV года (декабрь 1795 г.), Равным удалось поставить во главе редакции «Армейского Курьера» «славного парня» и что интригами они рассчитывали заставить Лебуа из «Друга Народа» назначить главным редактором демократа Симона.

Но, так как газеты по цене были недоступны рабочим бабувисты проникали в широкие слои народных масс, главным образом, при помощи плакатов и брошюр. «Анализ учения Бабефа» со второй половины жерминаля «вскружил всем голову». Для самого широкого распространения плакатов, гражданские агенты организовали целые компании и группы расклеивщиков и распространителей. Они срывали афиши правящих классов, наклеивали на их место литературу заговора, образовали группы защиты своих афиш и толкования их народу.

В то же время из подпольных типографий систематически выпускались брошюры. От 23 жерминаля (12 апреля 1796 г.) до 11 флореаля IV года (30 апреля 1796 г.) было выпущено в обращение 11 брошюр. Агенты округов распространяли их в семейных клубах. Эти маленькие клубы, рассеянные по рабочим квартирам, имели то преимущество, что могли питать, поддерживать и формировать общественное мнение, ускользая от полицейских преследований.

Надлежащее внимание было уделано пропаганде через песни. При подходящем случае расклеивались агитационные куплеты. Так вошла в моду «Новая песнь для предместий» Сильвена Марешаля.

Эта песня начиналась следующим образом:

Лишенный хлеба и огня
Лишенный прав, судьбу кляня,
Страдаешь ты, народ разбитый.
А злой и наглый богатей,
Взросший добротой твоей,
Смеется над тобой открыто
Деньгой набитый новый люд,

^{xv} См. также соответствующие главы в очерке Г.Кунова «Политические кофейни»: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kunow_caffe.pdf.

Забыв нужду, заботы, труд,
Прибрал к рукам медовый улей.
А ты, трудящийся народ,
Раскрой голодный шире рот,
Как страус, жри свинец и пули.
Тень Гракхов воззови в сей день
Публиколы и Брута тень,
Героев, потрясавших троны
Трибун отважный, поспеши!
Мы ждем. И миру напиши
Святого равенства законы.

В других куплетах автор клеймил шуанов Люксембурга и шуанов Вандеи, Директорию, двойной Совет и тех солдат, которые опустили до роли «преторианцев». Последние два куплета гласят:

Рукою граждан и солдат
Разрушены, в пыли лежат
Бастилии и престолов узы
Враг новый, деспоты Палат,
Страшитесь граждан и солдат
Несокрушимого союза!
Уверен я, тюрьма одна
За песнь мою мне суждена, -
И это мне мученье.
Но будет песню петь народ,
Поэта другом назовет -
И в этом утешенье.

МОРИС ДОМАНЖЕ

БАБЕФ и ЗАГОВОР РАВНЫХ

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Другие песни воспевали мучеников 9 термидора, призывали к восстанию, громили общественное неравенство или обращались к золотому веку:

Зачем народ - рабы труда,
А те пируют без заботы?
Зачем богатство и нужда?
На бой, вставайте, санкюлоты!
Во имя родины святой
Грабеж неслыханный творится,
И доблестью спешит разбой,
И воровство - нуждой прикрыться.^{xvi}

Объект заговора был ясен. Важно было теперь быть в курсе настроения в мастерских и завербовать там возможно больше сторонников. Предписанием от 19 жерминаля (8 апреля 1796 г.). Тайная Директория потребовала от гражданских агентов представить ей сведения о мастерских их округов, с указанием количества занятых в них рабочих, характера их работ, их настроения и целого ряда других сведений. Пять дней спустя, расторопный агент 5-го округа писал Тайной Директории: «Мне удалось найти несколько мастерских; теперь мы заняты обработкой рабочих; усердие и энергия моих людей подадут мне большие надежды».

Заговорщики не оставили в стороне и женщин. Они чувствовали, какую пользу можно извлечь из «прекрасного пола», который плохо переносит «иго тирании». Агент 12-го округа писал 11 флореаля (30 апреля 1796 г.): «Женщины волнуются и намерены вмешаться в дело». Сумели использовать женщин легкого поведения для привлечения на свою сторону солдат. На женщин из народа рассчитывали, чтобы внести замешательство

^{xvi} Более подробно см. тексты и комментарии в статье А.Рубинштейна «Песни французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_songs.htm), 10-е ТЕРМИДОРА, или СМЕРТЬ РОБЕСПЬЕРА (из бумаг Бабефа) и публикацию «Бабувистский фольклор» (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babuv_folklor/text.htm).

в ряды войск в момент восстания. Предполагалось, если не удастся привлечь армию на свою сторону, во всяком случае добиться ее нейтрализации.

Военные агенты занимались пропагандой внутри казарм, в то время как женщины и патриоты агитировали солдат вне казармы. Кафе «Китайские Бани», на углу улицы Мишодьер и бульвара Итальянского Театра, было сборным пунктом Равных, привлекавшим туда военных. Там декламировала и пела революционные песни хорошенькая Софи Лапьерр, и слушатели приходили в экстаз. Там, как и в «Христианском кафе» и в кафе Ковен, говорили открыто, там свободно давали волю своим восторженным чувствам: семена идей, брошенные в казармы, быстро давали ростки.

Заговорщики думали также подкупить солдат искусной щедростью; предполагалось развлекать их на вечеринках, по соседству с казармами, спаивать, чтобы подорвать воинский порядок и разложить дисциплину. За отсутствием денег заговорщики вынуждены были, однако, отказаться от многих подобных способов воздействия на армию.

Не гнушаясь никакими средствами, они старались извлечь пользу даже из патриотических элементов полиции. Гражданские агенты должны были давать сведения о шпионах своего района и использовать также сочувствующих полицейских. Таким образом, полицейский комиссар секции Обсерватории Гулар мог оказать большие услуги заговору.

Вся подготовка заговора была, конечно, направлена на Париж. Почему? Потому, что опыт Революции показал Равным невозможность переворота без завоевания столицы. Почти весь государственный аппарат был сконцентрирован там. Для победы необходимо было превратить Париж в плацдарм новой Революции. После этого движение, захватившее власть, казалось, легко увлечет за собой и провинцию, тем более, что провинцию старались предварительно подготовить энергичной пропагандой и организацией. Одному из членов Тайной Директории была специально поручена эта работа. Так как его бумаги не попали в руки полиции и от них не осталось никаких следов, нам трудно теперь установить степень распространения бабувизма в провинции. Другие документы позволяют, однако, утверждать, что Лион и Па-де-Кале были главными опорными пунктами заговора в провинции. Влияние Равных чувствовалось также, хотя и в меньшей степени, в департаментах Марны, Севера и Вара. В первом из этих департаментов бывший ткач Армонвилль, член Конвента, упорно не снимавший красного колпака и после реакции, действовал совместно с Друэ и Ударом, комиссаром исполнительной власти при трибунале Марны.

Удивительно, что влияние заговора было так слабо в департаментах Эны, Уазы и Соммы, где Бабефа лично знали и где еще были живы воспоминания о его кампании в «Пикардийском Корреспонденте» Там было только несколько подписчиков «Народного Трибуна» и отдельные сторонники вроде товарища Робеспьера по школе, Потофе, бывшего администратора Эны, представшего затем перед Верховным Судом Вандома, или Ж.-Б.Сивэ, нотариуса, бывшего администратора округа Компьен, комиссара Директории при городской администрации кантона Пьерфон. Бабеф, целиком поглощенный титанической работой, как будто забыл о своей родной Пикардии.

Один факт, во всяком случае, доказывает, какую огромную и систематическую работу проделали заговорщики в провинции. Это - мобилизация для Парижа около тысячи революционеров для последнего удара в момент революционного восстания.

Из этого беглого описания организации заговора видно что Равные сумели создать, начиная с марта 1796 года, замечательный тип повстанческой организации, что они задумали, - как выразился 7 флореаля V года (26 апреля 1796 г.), обвинитель Байи, - «широкий план и многочисленные искусно согласованные средства его выполнения». Почти все средства агитации и воздействия были предусмотрены и пущены в ход: газеты, воззвания, плакаты, памфлеты, песни, собрания, компании расклейщиков, кружки, женщины, а также ложные слухи, ложные известия во вред правящим классам, раздражение масс, давление на армию, работа среди полиции, созыв сторонников из провинции на помощь своим парижским приверженцам, предоставление для приезжих квартир, статистика мастерских, списки контр-революционеров, точные данные о «мятежниках», способных занять какой-нибудь пост, обращаться с орудиями, быть

командирами; сведения об оружейных складах, продовольственных и вещевых магазинах. Словом, ничего не было забыто, что могло бы содействовать успеху движения.

Выступление бабувистов

Когда образовалась Тайная Директория бабувистов Сильвен Марешаль предложил на рассмотрение вождей заговора составленное им воззвание к народу, под заглавием «Манифест Равных». Этот документ имеет огромное значение - не по роли, которую ему пришлось играть, ибо он открыто не распространялся, - но по своему теоретическому содержанию. В сжатой форме и пламенных выражениях он излагал главные принципы Равных.

Тайная Директория предпочитала этому манифесту «Анализ учения Бабефа», хотя этот документ отличался сухостью и был мало пригоден для воодушевления рабочих.

Но он имел то преимущество, что в нескольких тезисах, кратких как лозунги, давал всю программу заговора и не оставлял места двусмысленным или вредным для дела выражениям.

Приближалась половина жерминаля. Положение было совершенно критическое. Рабочие должны были отказываться от самого необходимого, распродавать свою мебель и самую нужную одежду. Одновременно усиливались преследования. Господствовало общее недовольство. Тайная Директория видела в этом прекрасный случай для привлечения к себе всех народных сил и надежд. Она добилась этого уже указанными выше средствами, несмотря на сопротивление государственной власти; правительство систематически раздувало покушения и силы роялистских заговорщиков, чтобы направить в другую сторону возбуждение масс и отвлечь их от Равных.

Многочисленные сборища скоплялись на улицах, на площадях и на мостах столицы. Волнение масс вызвало серьезную тревогу в рядах правительства. Оно опубликовало послание, в котором Равные были обрисованы в самых мрачных красках. Их представляли людьми «анархии», доживающимися одновременно и личного обогащения и восстановления монархии.

В палатах ни один депутат не осмелился выступить с открытой защитой бабувистов. Совет Пятисот большинством против 12 голосов, затем Совет Старейшин приняли законы от 27 и 28 жерминаля (17 апреля 1796 г.). Этими законами разрешался разгон политических собраний наравне с мятежными сборищами; запрещались также под угрозой смертной казни дискуссии о разных формах правительства. Таким образом отпал легальный путь для улучшения или отмены конституции 1795 г. Эти меры, которые даже умеренным республиканцам напоминали старый закон об осадном положении, естественно вызвали еще большее возбуждение и гнев в народе. «Демократы» открыто говорили, что настал час – «жить свободными или умереть». Можно было ежеминутно ожидать взрыва.

Тайная Директория, которая могла с высоты своего положения определить точное соотношение сил, считала, что еще не настал момент для открытого выступления. За двадцать дней работы она не успела еще овладеть всеми сведениями и средствами, необходимыми для успеха. Она должна была делать огромные усилия, чтобы сдерживать народное нетерпение и избежать преждевременного восстания.

Заговор достиг такой силы, что член Директории Баррас, «лицемерный друг равенства» и «карьерист» - по выражению Буонаротти, вызвал к себе в кабинет Жермэна. Он угрожал ему призраком роялизма, инсинуировал, что бабувисты ведут контр-революционную игру, и даже пытался переманить его на свою сторону всякими обещаниями. Нарочито фамильярные выражения, недомолвки, намеки, - точно переданные затем Жермэном, - выдавали беспокойство Барраса. Чувствовалось, что Баррас на всякий случай пытается выгородить лично себя. Это, в конце концов, служило лучшим доказательством в пользу растущей силы бабувистского движения.

Вспыхнувшие вслед затем беспорядки в полицейском легионе и среди гренадеров, несших охрану Законодательного Собрания, действительно показали, что армия начинала серьезно склоняться в сторону бабувистов.

Образовавшийся по своей собственной инициативе в самом полицейском легионе комитет примкнул к заговору через посредничество Жермэна. Правительство, безрезультатно исчерпавшее все средства мирного воздействия, отдало приказ вывести из Парижа два наиболее строптивых батальона. Этот приказ, подписанный 9 флореаля (28 апреля 1796 г.), вызвал волнение в полицейском легионе. Распорядительный комитет делал все возможное, чтобы наилучшим образом использовать этот мятеж для дела. Демократы вооружились и ждали момента выступления. Но восставшие батальоны из'явили покорность, последовало затем их расформирование, и это вынудило Тайную Директорию приостановить движение.

Неудача оказалась, впрочем, не бесполезной для заговорщиков: распущенные легионеры укрылись в жилищах демократов и образовали однородный корпус, который мог служить передовым отрядом повстанческой армии. Не следовало, однако, слишком медлить, чтобы не рисковать постепенной потерей хороших военных элементов и ослаблением патриотов.

Поэтому Тайная Директория торопливо подготавливала момент восстания и с этой целью приняла решение окружить себя гражданами, соединяющими революционный образ мысли с военным опытом. Решение естественное. Но она совершила грубую ошибку, нарушив 3 параграф своих статутах и пригласив этих военных на свое собрание. С этих пор она оказалась в зависимости от их малейшей нескромности и болтливости. Предатель Гризель, добившийся расположения Дартэ, узнал имена членов Тайной Директории, а также места их собраний, и сообщил все это властям.

На этом роковом собрании присутствовали: Бабеф, Буонаротти, Дартэ, Дебон, Дидье, Марешаль и пять военных профессионалов: Жермэн, Фион, Россиньоль, Массар и Гризель. Был создан военный комитет с поручением подготовить нападение на государственную власть, затем охрану революционной власти в случае победы; военный комитет должен был сообщить руководящему комитету Директории все сведения и планы, относящиеся к этим операциям. Первые сведения поступили в Тайную Директорию одновременно с разными другими предложениями, например с предложением, внесенным двумя офицерами полицейского легиона, - убить кинжалом пятерых членов исполнительной власти.

Несмотря на остроту политического и экономического кризиса и нетерпение демократов, Тайная Директория не могла еще дать сигнала к восстанию. План военных действий еще не был достаточно разработан, а с другой стороны - чувствовался недостаток в деньгах и в порохе. Наконец, параллельная подготовка выступления монтаньяров, бывших членов Конвента, внушала сильное беспокойство Тайной Директории и побуждала ее еще раз пересмотреть план заговора.

Фион и Россиньоль, тесно связанные с депутатами-монтаньярами, хотели полного слияния заговора Бабефа с бывшим комитетом Амара, к которому только-что присоединился Робер Лендэ. Несмотря на отвращение заговорщиков к бывшим членам Конвента, приходилось однако объединиться. Тайная Директория решила созвать совместное заседание с представителем комитета монтаньяров, чтобы сговориться и вместе с тем принять элементарные меры предосторожности, памятуя о недавнем прошлом. 15-го флореаля (14 мая 1796 г.) утром Рикор, представитель бывших членов Конвента, пришел на собрание Тайной Директории. С ним говорили откровенно, без обиняков. Ему было поручено передать своим товарищам твердые предложения заговорщиков. Эти предложения, служившие одновременно и гарантией от неожиданностей в будущем, были приняты монтаньярами после значительных колебаний.

Мы подходим теперь к моменту, когда факты переплетаются между собою так, что не легко разобраться в их клубке. Некоторые даты позволяют нам, однако, следовать шаг за шагом по наклонной плоскости заговора.

15 флореаля, в день совещания Тайной Директории с Рикором, главные заговорщики стали предметом подозрения и клеветы; самые зловещие слухи тревожили и подавляли республиканцев; люди, полные решимости взяться за оружие, теряли доверие; агенты округов .готовы были растеряться; общее затишье представляло резкую противоположность сильному возбуждению предыдущих дней и предвещало мало

хорошего для ближайшего будущего. В этот же день в 9 час. вечера Гризель, под псевдонимом Армана, явился к Карно и обстоятельно рассказал ему все, что знал.

17 флореаля продолжаются переговоры между бабувистами и монтаньярами, бывшими членами Конвента; 18-го, благодаря вмешательству Робера Лендэ и Амара, обе фракции заключают между собой соглашение. Карно, с своей стороны, передает Исполнительной Директории список 245 лиц, обвиняемых в заговоре; их приказано арестовать.

19 флореаля вечером у Друэ, на площади Пик, происходило общее собрание двух фракций, представленных комитетом Амара, частью Тайной Директории и военным бабувистским комитетом. После обсуждения решают, что Тайная Директория должна ускорить выполнение заговора и дать своим агентам инструкции, согласованные с военным планом. Заседание уже кончилось, когда министр полиции во главе с военным отрядом ворвался к Друэ в надежде арестовать заговорщиков. Найдя только Друэ и Дартэ, он оставляет их на свободе. У заговорщиков сразу возникает мысль о предательстве, но затем они отбрасывают ее и появление полиции объясняют усиленной охраной, вызванной опасным положением.

20 флореаля вечером происходит последнее собрание у Массара. Агенты докладывают о своих запасах оружия, продовольствия и о боевой готовности людей. Подсчитывают наличные силы одной и другой стороны. Контр-революция может рассчитывать на определенные военные корпуса, на роялистов, на богачей, которые держат в своих руках национальную гвардию и могут оказать вооруженную помощь правительству. С своей стороны, восстание насчитывает, помимо пролетариев, 17.000 человек, из которых 9.500 регулярных войск (полицейский легион, инвалиды, гренадеры, канониры), 4.000 парижских революционеров, 1.000 революционеров из департаментов, 1.500 человек прежних чиновников, 500 разжалованных офицеров и 500 арестованных военных.

План был принят. Повстанческая армия под начальством главнокомандующего генерала, подчиненного повстанческому комитету, разбита на три дивизии. Секции, наиболее обстрелянные и вооруженные лучше других, должны направиться на склады оружия и аммуниции. Несколько колонн двинется на Законодательный Корпус, Исполнительную Директорию, военную школу и министерства. Остальные должны охранять выходы, поддерживать связь между различными отрядами, рассеивать неприятельские скопления, препятствовать всяким сношениям аристократов и т.д. В тот же день Баррас, которого коллеги по Директории, повидимому, держат до последнего момента в полном неведении о принятых ими мерах против бабувистов, дает знать Россиньолю, что он не прочь стать со своим генеральным штабом во главе восстания или же сдаться в качестве заложника в предместье Сент-Антуана

Арест и заключение в тюрьму бабувистов

На следующий день коллеги Барраса сообщили ему о положении дел, но он изо всех сил оправдывался. С другой стороны, вожди заговора были арестованы, в тот же день направлены в тюрьму Аббатства, которая находилась на месте теперешнего бульвара Сен-Жермэн, и переданы а распоряжение директоров суда присяжных Парижского департамента. Наиболее скомпрометированных, как Бабеф, Дартэ и Буонаротти, отделили и тайно отослали в башню Тампль. О заместителях на случай коллективного ареста заговорщики не позаботились и заговор оказался обезглавленным. Тяжело пораженные, лишенные своих вождей, подавленные, парализованные подлыми слухами, которые распускались властями, бабувисты не могли с достаточной энергией реагировать на происшедшее.

Провинция, сбита с толку угодливой печатью, которая представляла Бабефа «извергом», возбужденная тайными агентами, наводившими страх на городские управления, приооединяет свои проклятья к дикому воплю имущих классов. Парижский народ уверяют в том, что арестовали воров, отвлекают его победой при Поди¹⁵ и он, как спокойный зритель, смотрит на заточение в тюрьму своих наиболее отважных защитников. Из любопытства или из сочувствия, но в течение нескольких дней вслед за арестом замечается все же большой наплыв народа на улицах, примыкающих к Аббатству. Несколько патриотических журналистов неумело пробуют выступить с довольно слабой защитой. Антонелль и Лепельтье протестуют, один - из тюремной камеры, другой - из своего убежища. Сильвен Марешаль и Дебон, избежавшие ареста потому, что имя их не было произнесено в присутствии Гризеля, молчат. Из всех якобинцев, оставшихся на свободе, Паш - единственный человек, который осмелился в брошюре открыто защищать дело и идеи бабувистов.

Революционный авангард лишился своей главной пружины. Исполнительная Директория, которая неминуемо пала бы, если бы Бабеф и его сообщники не были арестованы, - как это отмечает Ипполит Карно в «Воспоминаниях» о своем отце, - уж не дрожит больше. «Народный Трибун» не может больше позволить себе разговаривать с членами Директории, как «одна держава с другой», и утверждать, что его партия может опрокинуть правительственную партию, как он это делал в своем смелом письме от 23 флореаля IV года.

Тем не менее, некоторые преданные бабувисты не забывают своих вождей. Они делают попытку освободить их, возбудив народ к восстанию 7 прериала IV года (26 мая 1796 г.). Но эта попытка, хотя в ней приняли участие и солдаты караула, оказалась неудачной. В термидоре тайное общество, известное под именем «Общества французских Дециев»¹⁶, призывает народ к восстанию для спасения республиканцев, избегая, однако, называть Бабефа и рекомендуя уважение к частной собственности. При поддержке Барраса, Друэ удается бежать 30 термидора (17 августа 1796 г.). После осторожной разведки в ночь с 10 на 11 фруктидора IV года, демократы делают, наконец, последнее и крайнее усилие 23 числа того же месяца. Отрядом в шестьсот или семьсот человек в полном вооружении они двигаются на дворец Директории и пытаются поднять к восстанию войска Гренельского лагеря. В них стреляют и многих задерживают. Бертрану, Юге, Жавогу, Кюссе и другим выносят смертный приговор. Так погибла последняя надежда.

Размеры этой брошюры не позволяют, к сожалению, привести здесь прекрасные письма Бабефа во время его заключения в башне Тампль. Они свидетельствуют об одушевляющей его неутолимой страсти, о той исключительной энергии, с которой он переносит и свое заключение, и бездействие своей революционной армии, и мысль о предстоящем мученичестве.

Это в полном смысле непримиримый и непреклонный революционер, железный человек, которого можно победить, но нельзя сломить. У него нет и намека на тот упадок духа, на то отчаяние, которые так жестоко охватили почти полвека спустя другого «работника революции» - Михаила Бакунина.

Его не могли согнуть ни страдания, ни семейные заботы, ни перспектива смерти. С жестокой откровенностью признается он своей жене, что его революционные чувства подавляют в нем «всякую другую любовь», что он становится «чертовски тверд». Он с негодованием протестует против «подлой и постыдной роли», которую ему приписывают, и берет на себя всю ответственность за свои поступки; он счастлив, «что так охотно и с такой преданностью» работал для освобождения своих братьев. Он просит Феликса Лепельтье сохранить его революционные произведения, которые содержат «все то, что продажные люди смеют называть его грезами».

МОРИС ДОМАНЖЕ

БАБЕФ и ЗАГОВОР РАВНЫХ

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

¹⁵ Город в Италии (Ломбардии), где Наполеон одержал в это время блестящую победу над австрийскими войсками.

¹⁶ Деции - плебейский род в древнем Риме. Представители его прославились самоотверженностью.

Буонаротти, подобно Бабефу, не тешит себя иллюзиями насчет ожидающей его судьбы. Он пытается передать своей жене Терезе лоскуток белья, на котором пишет: «Будь достойна честного человека, которого аристократы и тирания приносят в жертву».

Правительство не хотело, чтобы дело разбиралось публично парижским судом присяжных. Оно передало его Верховному Суду под тем предлогом, что среди обвиняемых оказался депутат Друэ, и умышленно присоединило к заговору еще другое обвинение, которое по закону было подсудно только этому исключительному суду.

Процесс Равных

В ночь с 9 на 10 фруктидора IV года (26-27 августа 1796 г.) обвиняемые, содержащиеся в Париже, были переведены в Вандом, где должен был заседать Верховный Суд. С ними обращались, как с хищными зверями, их поместили в клетки с решетками и выставили на потеху аристократам и той части рабочей публики, которую так легко обмануть. Жандармы и сильные отряды кавалерии сопровождали это печальное шествие, за которым следовали жены, дочери и сестры обвиняемых. 13 фруктидора вечером Бабеф и его сообщники были заключены в Вандоме в судебном помещении, доступ к которому был строго воспрещен любопытствующей публике.

Верховный Суд собрался, ознакомился с делом, составил список заседателей. От состава присяжных зависела судьба многочисленных обвиняемых. Последние имели право отвести без мотивировки тридцать человек. Обвиняемые не преминули воспользоваться этим правом; тем не менее, несмотря на все свои усилия, им не удалось добиться благоприятного для себя состава. Список присяжных, составленный Бабефом в целях информации, дает нам представление об их политической физиономии. Этот список далеко не успокоителен и к тому же еще грешит пропусками. Мы в нем находим, например, некоего Ля-Шез без всякой пометки о том, кто он такой. Оказывается, что он дворянин, бывший офицер, человек, который непосредственно дрался с «жестокими врагами общественного порядка», и, - для полноты портрета, - глава, контр-революции в Бове. Только трое присяжных обнаруживали неизменно свое расположение к обвиняемым.

Обвинительный акт гласил, что Бабеф и его друзья обвиняются в заговоре, «имеющем целью уничтожение конституции 1795 г. и свержение правительства, восстановление конституции 1793 г., уничтожение двух законодательных Советов, Исполнительной Директории, гражданских и военных властей, вооружение одних граждан против других и грабеж собственности».

Прения сторон начались 2 вантоза V года (20 февраля 1797 г.). Полный отчет о процессе впервые записывался стенографами.

Государственными обвинителями были Вейяр и Байи. Среди адвокатов выделялся Реаль, бывший товарищ прокурора, коммуны Парижа, который, как и в процессе Каррье, гибким, уверенным, звучным и выразительным голосом умело подчеркивал слабые места обвинения и находил правдоподобные объяснения для наиболее отягчающих вину фактов.

На-лицо были 47 обвиняемых. Друэ, Робер Лендэ, Феликс Лепельтье, Жозеф Бодсон, Буэн, Кретьен, Фике, Менессье, Рейс, Россиньоль и некоторые другие на суд не явились.

В течение трех месяцев шла героическая борьба между Бабефом, его друзьями, защитой, а иногда и публикой - с одной стороны, и обвинителями - с другой. Не диллетантами и не метафизиками были все эти люди, брошенные на позорную скамью за то, что они совершили новое и страшное, преступление: они хотели решать революционным путем вопросы политической экономии. Эти люди были суровыми бойцами. Это было видно по их, полным гнева речам, по необыкновенной смелости их выражений. Они оскорбляли членов суда, отрицая за ними право разбирать их дело, Бабеф был неистощим, хотя его и стесняло принятое всеми решение отрицать обвинение. Он даже повредил своей собственной защите, желая слишком много доказать. Он всегда был, пожалуй, больше писатель, чем оратор. Однако, когда он говорил о конституции 1793 года, когда он напомнил о насилиях, жертвой которых он был, когда он развил теорию коммунизма, его речь своей искренностью и убежденностью поднялась до самого возвышенного пафоса. Суд несколько раз прерывал его.

Буонаротти произнес превосходную и полную достоинства речь. Жермэн отличился своими вдохновенными и удачными импровизациями, неожиданными репликами, язвительными замечаниями. Предателю Гризелю, который хвастливо требовал себе гражданского венка за донос, Жермэн сказал: «Нет, Жорж Гризель, ты не получишь гражданского венка. Тебе, Жорж Гризель, не достанется и терновый венец. Эти венцы принадлежат жертвам. Для тебя же приберегли венок из остролиста, которым в Риме украшали головы рабов, чтобы продать их на несколько серебрянников дороже».

Дартэ отверг за Верховным Судом право судить его и с демонстративным презрением отказался от показаний. Антонелль, в противоположность своим товарищам, говорил мало и держался спокойно и равнодушно; это принесло лично ему пользу.

Бывали бурные заседания, бывали и трагические. Так однажды Бабеф, говоривший в крайнем волнении, с необыкновенной драматической силой, вызвал рыдания у всех женщин, напряженно следивших за прениями. В другой раз Менье, при общем возмущении, разоблачил мошеннические приемы председателя суда и обвинителя Вейяра.

Публика относилась сочувственно к обвиняемым, она подхватывала революционные песни, которые начинала петь Софи Лапьерр. Несколько раз пришлось удалить публику из зала заседания.

Политический процесс Бабефа сильнейшим образом влиял на события за стенами суда; последовал, однако, и контр-удар. Выборы в жерминале V года (март 1797 г.) дали в обеих палатах большинство роялистам. Верховный Суд хотел доставить удовольствие вновь избранным депутатам. Он торопился с окончанием прений. 5-го прериала (24 мая) присяжные удалились для совещания.

Приговор. Пережившие драму

В ночь с 6 на 7 прериала V года (26 мая 1797 г.) судебная драма закончилась. Было около 4 1/2 часов утра. Солнце только-что взошло. Несколько светильников горело еще в самых отдаленных частях зала. Силуэты жандармов и солдат виднелись у всех выходов. Председатель суда встал: «Можно было подумать, - говорит Нодье, - что только он - один живой во всем помещении». Царила тяжелая тишина. Взволнованным голосом прочел он приговор. Большинство осужденных было выпущено на свободу; Буонаротти, Жермэн, Моруа, Казен, Блондо, Буэн, Менессье были приговорены к ссылке; Бабеф и Дартэ - к смертной казни.

Произошло большое смятение. Буонаротти обратился к народу. Публика так заволновалась, что жандармы обнажили сабли. Дартэ крикнул: «Да здравствует Республика!» и пронзил себе грудь. Бабеф вонзил себе, - по словам Буонаротти - в грудь, а по словам сторожа тюрьмы Вандом - в живот, - железный спиральный прут, который ему удалось вытянуть и отточить о каменный пол своей камеры. Почти одновременно оба осужденные упали на Реаля, забрызгав его своей кровью. Негодность их оружия спасла им жизнь, но обрекла их на новые муки. Их подняли, заковали в кандалы и потащили в тюрьму, где они жестоко мучились.

Бабеф написал своей жене и детям трогательное письмо, полное печальной нежности; революционное чувство в нем смешано с личной любовью. Он пишет, между прочим: «...Покинуть семью, детей, дорогую жену - все это было бы легче перенести, если бы я не видел, что потеряна и свобода и, что все искренние республиканцы подвергнуты ужаснейшим преследованиям. Не думайте, что я испытываю сожаление, пожертвовав собой ради прекраснейшей цели. Если б даже все мои усилия были бесполезны, я все-таки исполнил свой долг. Я не представлял себе иного способа осчастливить вас, как только путем общественного счастья... Дурные люди оказались более сильными. Я им уступаю. Отрадно, однако, умереть с такой чистой совестью, как у меня...»

8 прериала V года (28 мая 1797 г.) в пять часов утра Бабеф и Дартэ были казнены в нескольких шагах от тюрьмы. Дартэ, всегда боевой и упорный, отказался повиноваться палачу, как отказался отвечать судье. Его тащили силою, в крови, к гильотине. Грах Бабеф перед самым роковым ударом ножа говорил еще о своей любви к народу - к этому другому великому мученику, для которого он пожертвовал собой.

Дартэ было 27 лет, а Бабефу 36. Этим легальным, убийством диктатура богачей, последовавшая за диктатурой санкюлотов, думала убить в зародыше революционный коммунизм. Ее преступление не достигло своей цели.

Читателя интересует, вероятно, вопрос о том, что стало с главными героями, пережившими эту трагедию. Судьба их в общих чертах была такова.

Жена Бабефа, которая имела, по крайней мере, то утешение, что память о ее муже и все, что осталось от него, благоговейно сохранялись, - кончила свои дни в середине следующего века продавщицей туалетных принадлежностей. Из трех ее сыновей двое, усыновленные генералом Тюрро, трагически скончались. Старший, Робер-Эмиль, по одной версии будто бы вызвал на дуэль и убил предателя Гризеля. Это неверно. Гризель спокойно умер в Нанте 22 июня 1812 г.

Феликс Лепельтье, опекун Эмиля Бабефа, продолжал конспиративную работу. Он был арестован, переведен на остров Рэ, заключен в Тампль, отправлен под надзор в Италию, изгнан оттуда, поселился затем в Брюсселе и, наконец, переехал в Париж, где умер в 1837 г. Амар тоже умер в Париже, хотя значительно раньше, в 1816 г., в одиночестве. Сильвен Марешаль, один из первых разоблачил Цезаря в Бонапарте, но его голос не нашел отклика. Он обратился против бога и католицизма, успехи которого пытался задержать целой серией произведений, Странно, что нет Бабефа в его «Словаре атеистов». Он умер в своем уединении в Мон-Руж, в январе 1803 г.

Друэ был супрефектом при империи, а Антонелль - мирным обывателем во время реставрации. Клеманс и Маршан подвергались преследованиям после 18 брюмера и испытали много лишений. Первый, ставший школьным учителем при реставрации, открыто высказывал свое преклонение перед «Неподкупным». Второй был арестован полицией в 1804 г. и отправлен под надзор в глушь Нормандии.

Буонаротти, Жермэн, Моруа и Блонде были брошены в крепость острова Пелэ у Шербурга, а затем переведены в Олерон, где находились на свободе, но под надзором. Там Буонаротти стал школьным учителем, затем уехал оттуда и отправился в департамент Морских Альп, потом в Женеву, где давал уроки музыки до 1823 г.

Полиция постоянно следила за этим стариком с белыми волосами, в широкополой шляпе, в ботфортах и в жилете а-ля-Робеспьер. Он пользовался огромным влиянием среди молодых республиканцев и «социалистов» и играл виднейшую роль в тайных обществах. Луи Блан нарисовал привлекательный его портрет: «Строгость осанки, глубина мягкой, хотя и серьезной речи, лицо, благородно изменившееся под влиянием привычки к размышлениям и долгого жизненного опыта, широкий лоб, одухотворенный взгляд, гордый и умный изгиб губ - все придавало ему сходство с мудрецами древней Греции. Он обладал их честностью, пронизательностью и добротой. Даже его суровость дышала бесконечной мягкостью. Он был удивительно спокоен, подобно всем людям, совесть которых чиста; смерть подходила к нему вплотную, не поколебав его, и внутренняя сила поднимала его высоко над заботами нищеты. В нем чувствовалась, - правда, слегка, - великая грусть, которую внушает подлинному философу зрелище человеческих дел». Андриен, который очень далек от социальных взглядов Буонаротти, признает, что его покорила личность Буонаротти; таинственность, которой он окружал себя, действовала на воображение. В Женеве Буонаротти вместе с братом Марата основал масонскую ложу. Затем переехал в Брюссель, где все время, стараясь обмануть бдительность полиции, вел подпольную работу и принимал близкое участие в агитационной и организационной работе демократического авангарда. После июльской революции он вернулся в Париж. Он жил в бедности, среди своих братьев-рабочих, в скромном доме. Здесь он давал директивы целому ряду молодых демократов-социалистов, здесь сходились нити множества групп Франции, Бельгии, Швейцарии и Италии. Для них он был «патриархом, гением свободы». Политическая и общественная деятельность Буонаротти окончилась только с его смертью в 1837 г.

Жермэн, также сохранивший верность своим убеждениям, сошел в могилу в 1835 г.

III. ИДЕИ^{xvii}

Бабувисты - наследники Революции

Понять совокупность идей, которую мы называем бабувизмом, можно только в связи со всем великим движением Революции до момента зарождения Заговора. С другой стороны, надо познакомиться с радикальной теорией Равных, со взглядами вождей - этой отборной группы отважных и самоотверженных людей, которые шли впереди, брали на себя всю ответственность, открывали новые пути массам, идущим скорее под влиянием инстинктов, чем разума. Нужно, наконец, связать это коммунистическое течение с социалистическим движением XIX века и, еще ближе к нам, с - русской Революцией.

В начале своей «Истории заговора Бабефа» Буонаротти¹⁷ в трогательных и правдивых страницах показал, что бабувизм вышел из недр Революции, что он был ее законным наследником и, как выразился Жорес на своем образном языке, «последней и великой конвульсией», «высшей судорогой перед затишьем Консулата и Первой Империи».

Борясь за конституцию 1793 г. и за коммунизм, Бабеф и его друзья претендовали на то, что они в полной мере выражают революционную традицию. В частности, они думали возобновить и продолжить дело великой партии «действительного освобождения человечества» или «полного преобразования общества», о которой говорит Буонаротти. Эта партия медленно образовывалась в течение Революции; ее контуры едва вырисовывались, она еще не наметила до конца своего направления, но, тем не менее, она держала одно время власть в своих руках. В известном смысле бабувисты были правы.

Марат, Робеспьер и Сен-Жюст, в особенности последние два, работали над «действительным освобождением» французского народа, и это выражалось в том, что они расширяли и углубляли французскую Революцию до таких размеров, какие только допускались объективными условиями. Они, без сомнения, не оставили сколько-нибудь зрелой и законченной «социалистической» теории, не приготовили, как сказал бы Маркс, никакого рецепта для «кухни будущего»; иногда среди сложных событий они занимали позицию, которую мы назвали бы теперь «буржуазной»; они были вынуждены, в интересах Революции, произносить слова, которые нас теперь коробят. И все же в эпоху, когда социализм был только духом, витающим над водами, они по-своему служили ему и притом - в форме наиболее действительной.

Конечно, среди современников французской Революции есть мыслители, в социальном вопросе более радикальные, нежели Робеспьер и Сен-Жюст. Эти мыслители кажутся необыкновенно смелыми. Но что они делают на практике? Они фантазируют, они вздыхают о социальном неравенстве и ничего не могут сделать. Еще хуже, они становятся консерваторами и противодействуют решительным мерам монтаньяров. И в том и в другом случае они обнаруживают свою неспособность разобраться в глубоком смысле событий. Робеспьер и Сен-Жюст, наоборот, - люди действия, они не тратят времени на пророчества. Их позиция, их ясное чутье действительности, их необыкновенная способность разбираться в создавшейся обстановке, дают им возможность оказать величайшие услуги санкюлотам, то-есть рабочему классу II года Революции. В действительности их политика, повидимому, непрерывно вдохновлялась самыми высокими социальными стремлениями. Их действия и их речи были продиктованы не только непосредственными нуждами гражданской и внешней войны; в них вскрывается и мысль об общественной организации, более справедливой и более благоприятной для обездоленных.

Вот почему бабувисты относятся к Робеспьеру и Сен-Жюсту с подлинным благоговением. Вот почему они горько скорбят о героическом периоде II года, когда

^{xvii} Более детально о социально-политических взглядах Бабефа - в монографиях В.П.Волигна: «Французский утопический коммунизм» (http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html) и «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf).

¹⁷ Ф.Буонаротти. «Граф Вабеф и Заговор Равных». Госиздат. 1923.

Робеспьер и Сен-Жюст играли первую роль. Вот почему они из опыта террора заимствуют значительную часть своих принципов, своей тактики и своих методов борьбы.

Бодсон - один из немногих заговорщиков, которые не выносят «чудовищной славы Робеспьера». Он остается твердым приверженцем гебертизма. Дебон, который всю свою жизнь занимался изучением социального вопроса, понимал лучше, чем кто-либо другой, глубокие взгляды Робеспьера. Дартэ, земляк Робеспьера, рано усвоил его идеи.

Буонаротти, сравнивая политические доктрины «Декларации прав» с речами, произнесенными Робеспьером к концу его жизни, с его поведением во время революционной бури, с его нравственной чистотой, его преданностью, мужеством, редким бескорыстием, воздает глубокое уважение его мудрости и не сомневается, что с таким вождем французский народ мог бы добиться своих высших целей. В мерах, принятых революционным правительством под влиянием Робеспьера и Сен-Жюста, он видит «подготовление нового порядка распределения благ и обязанностей». Перечисляя эти меры, которые ему кажутся как бы «чудесами», он приписывает их широкому плану реформатора, он указывает на благотворные результаты и заканчивает следующим горестным восклицанием: «Еще один день, и всеобщее счастье и свобода были бы обеспечены учреждениями, которых они (Робеспьер и его друзья) непрестанно требовали». Суждение Буонаротти о Робеспьере имеет ценность свидетельского показания. Тосканский революционер лично знал «Неподкупного» и часто бывал у него и доме Дюплэ. Если между ними и не было интимности, то во всяком случае планы Робеспьера могли быть ему знакомы. Будучи сам одним из сотрудников революционного правительства, Буонаротти мог дать надлежащую оценку методам революционного управления.

Робеспьер и Бабеф^{xviii}

Что касается Бабефа, то он с давних пор восторгается Робеспьером. В письме к Купэ от 10 сентября 1791 г. он перечисляет великих людей древности, ставших апостолами аграрного закона, говорит о Петионе, требующем от общества формального обязательства обеспечить всем своим членам достойное существование, и заключает свое письмо следующими словами: «Изучайте Робеспьера - и вы найдете его в конечном счете также аграрием...»

Аграриями называли в то время сторонников аграрного закона. А под аграрным законом понимали либо передачу в общественную собственность всех земель и равное распределение их между всеми семьями, либо более или менее всеобщую социализацию земель, взятых от церковных учреждений, и передачу их безземельным рабочим, либо, наконец, уравнительный раздел общинной земли, между всеми семьями. В представлении ее сторонников эта система, в известной мере вдохновленная Платоном, Ликургом, Миносом и римскими аграрными законами, приближалась к имущественному равенству или была тождественна с ним. Нам эта система теперь может казаться недостаточной и упрощенной, как она казалась тогда и самому Бабефу, но, тем не менее, она представляла тогда наиболее смелую социальную концепцию и была почти единственной формой, в которую облекался коммунизм в 1790 г. Одно упоминание о ней вызывало у привилегированных классов страх, аналогичный тому, который вызывает у нынешней буржуазии современный большевизм. Называя Робеспьера «аграрием», Бабеф как нельзя лучше показал, что общественная мысль аррасского депутата работала в одном направлении с его собственной. Не один Бабеф так смотрел на Робеспьера. Когда весной 1792 г., во время голодных бунтов в Бое, мятежники убили Симоно, мэра местечка Этани, священник-коммунист и будущий член Равных Пьер Деливье обратился именно к Робеспьеру с просьбой защитить арестованных и преданных суду крестьян.

^{xviii} Материалы о М.Робеспьере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>, там же даны ссылки на некоторые его выступления. О Сен-Жюсте: http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm. См. также статью Н.Чупрун, «Сен-Жюст и вантозские декреты» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup1.pdf, http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup2.pdf, http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup3.pdf).

После падения Робеспьера Бабеф, без сомнения, впал в термидоровскую ошибку; он смешал Робеспьера с террором, проклинал террор и публично осуждал Робеспьера. Но это осуждение Неподкупного сделано было с такими оговорками, что трудно ошибиться на счет его сущности. Ясно, что оно было временным заблуждением.

В первом номере своей «Газеты свободной печати» Бабеф пишет: «Робеспьер, память которого так теперь гнушаются, Робеспьер, у которого как будто два разных лица: одно - искреннего патриота и идеалиста до начала 1793 г., а другое - честолюбца и величайшего из предателей после этого времени, - этот Робеспьер - лучший источник, из которого нужно черпать великие истины и неопровержимые доказательства в пользу свободы печати».

Даже в брошюре против Каррье Бабеф заявляет о своей солидарности с социальной программой Робеспьера. Он подчеркивает, что, за вычетом репрессий террора, он нисколько не отрицает той части плана Неподкупного, по которой помощь неимущему населению надо оказывать путем обложения богатых. Он признает даже, что Робеспьер обнаружил в этом вопросе «качества подлинного законодателя», и прибавляет, что «не всем дано стоять на высоте Максимилиана». После этих слов понятно, почему Гюфруа, враг Робеспьера, печатавший в своей типографии произведения Бабефа, предложил «Народному Трибуну» печататься отныне в другом месте.

В № 40 своей газеты Бабеф наиболее обстоятельно развивает свою программу робеспьеризма. В защиту своей доктрины он ссылается на Робеспьера и на Сен-Жюста. Он нападает на Дантона, покровителя всех защитников республики богачей. Он напоминает «замечательную речь от 17 плювиоза II года, произнесенную философом из Арраса», в которой цель Революции формулируется следующим образом: «Мы добиваемся такого порядка вещей, при котором отечество обеспечивает каждому индивидууму сносное существование и при котором каждый индивидуум с гордостью пользуется благосостоянием и славой отечества». Он яростно нападает на отставного ад'ютанта Вилена д'Обиньи, который в своей застарелой ненависти к Сен-Жюсту прибегает к низкой клевете. Он прославляет Робеспьера, этого «мудреца», этого «друга человеческого рода», этого «великого законодателя, которого будет чтить потомство и который сделал больше для счастья французского народа, чем какой-либо другой революционер». Он подписывается под тем определением понятия собственности, которое было дано Робеспьером и восторженно принято якобинцами 21 апреля 1793 г.: «Собственность - это право каждого гражданина пользоваться и располагать частью благ, обеспеченных ему законом. Право собственности, как и все другие права, ограничено обязательством уважать чужие права. Оно не должно вредить безопасности, свободе, существованию и собственности всех нам подобных». Указав, наконец, на смысл ограничений, которые Конвент ввел в это определение, бывшее настоящим зародышем лишения буржуазии имущества и перехода власти к 4-му сословию, Бабеф сравнивает свою собственную позицию с позицией Робеспьера и говорит: «У меня нет ни малейшего намерения отрицать, что Максимилиану Робеспьеру принадлежит инициатива - во время Революции - плана подлинного равенства. К этому были направлены все его помыслы, как это подтверждается многими местами в его произведениях».

Известно, что Бодсон не разделял этих взглядов. Он откровенно признался в этом Бабефу. Последний в письме от 9 вантоза написал новую и даже еще более прямую апологию Робеспьера. Письмо начинается так: «Каюсь в том, что я плохо относился и к революционному правительству, и к Робеспьеру, и к Сен-Жюсту». Бабеф дошел в своей похвале до утверждения, что Робеспьер «мог с полным правом гордиться тем, что только он один был способен повести колесницу Революции к ее настоящей цели». Он восхищался гением Робеспьера, «вмещавшим подлинные идеи возрождения». Письмо заканчивалось так: «Я не считаю, подобно тебе, неуместным и излишним обращаться к памяти и принципам Робеспьера и Сен-Жюста для подкрепления нашей доктрины. Мы этим, прежде всего, воздаем лишь должное великой истине, - иначе мы нарушили бы элементарные требования скромности. Эта истина заключается в том, что мы - лишь вторые Гракхи Французской Революции. Разве не полезно показать, что мы ничего не изобретаем, что мы лишь следуем за первыми благородными защитниками народа, еще до нас наметившими себе те же цели справедливости и счастья, которых добивается народ?»

С другой стороны, будить в памяти идеи Робеспьера, это значит - будить энергичных патриотов Республики, а вместе с ними и народ, который когда-то слушал только их и следовал только за ними. Вся Республика» все граждане, достаточно совестливые и проникательные, и, конечно, весь народ - пропитаны робеспьеризмом. Причина этого понятна: робеспьеризм - это демократия; эти два понятия совершенно тождественны. Таким образом, восстанавливая робеспьеризм, вы определенно восстанавливаете демократию». Эти строки, особенно первый абзац, достаточно ясны и в комментариях не нуждаются. В этих словах вождь Равных, как нельзя лучше, показал, что бабувизм вышел из самой глубины Французской Революции и был в существе своем наследником и продолжателем робеспьеризма.

Идея завершенной революции

Как будет видно в дальнейшем, бабувисты, действительно, намерены были, после победоносного восстания, вновь провозгласить революционное правительство и восстановить порядок, существовавший до 9 термидора. После этого они рассчитывали продолжать великое дело Робеспьера - завершить революцию, превратив гражданское равенство в равенство социальное.

«Анализ учения Бабефа» говорит в своих 10-м и 11-м параграфах: «Цель революции - уничтожить неравенство и установить общественное счастье. Революция не закончена, так как имущие классы захватили все богатства и управляют одни, в то время как неимущие работают, как настоящие рабы, чахнут в нищете и занимают ничтожное положение в государстве».

Бабеф пишет: «Что такое Французская Революция? Открытая борьба между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными». Он уточняет свою мысль: «Подумайте, ведь мы желали революции именно для того, чтобы устранить бедствия, от которых страдает мир; чтобы поставить каждого человека на свое место; чтобы уничтожить социальное неустройство и общую нищету - детище ненавистного строя; чтобы устранить страшную нужду большинства и ограничить предел обогащения меньшинства; чтобы выполнить социальную задачу, а она - в общем благосостоянии. Да, задача этой революции - всеобщее благосостояние, всеобщее обучение, равенство, свобода и счастье для всех. Вот наша цель, вот то, чего мы уже почти достигли и чего мы должны опять добиваться...»

В другой статье он пишет: «Говорили, что революция совершается исключительно для народа; сам народ по клялся, что он завершит ее или погибнет. Но она не закончена, раз ничего не сделано для обеспечения счастья народа, а, наоборот, все сделано, чтобы истощить его, чтобы вечно выжимать из него пот и кровь в золотые сосуды отвратительной горсточки богачей. Необходимо, поэтому, продолжать эту революцию до тех пор, пока она не станет народной революцией. И, следовательно, все те, кто жалуется на людей, призывающих народ к революции, должны, по справедливости, рассматриваться, как прямые враги народа.

Нынешние господа положения своеобразно понимают слово «революция», когда утверждают, что она уже завершена у нас. Если у нас что и завершено, то это - контрреволюция. Революция, повторяем, это - счастье для всех, а этого у нас нет; следовательно, революция не закончена».

Сильвен Марешаль, который уже в 1791 г. сказал: «Революция - это нуль, если три четверти населения Франции не имеют даже четверти ее земель», пишет теперь, в свою очередь, в «Манифесте Равных»: «Народ перешагнул через трупы королей и попов, объединившихся против него; он сделает то же и с новыми тиранами, с новыми «политическими тартюфами»¹⁸, занявшими места прежних.

«Это еще не все - добиться равенства в правах! Нам нужно не только равенство на бумаге, вписанное в «Декларацию прав человека и гражданина», - мы хотим, чтобы равенство подлинно жило среди нас, под кровлей наших домов».

¹⁸ Тартюф - герой комедии Мольера, ханжа, лицемер.

Буонаротти часто возвращается к идее завершения революции. Перед судьями Вандома он обрисовал тяжелое душевное состояние заключенных в тюрьме Плесси при зрелище невыношенной до конца революции: «Мои товарищи и я - мы были подавлены таким исходом революции». Буонаротти говорил, что это великое движение привело только к «замене банды старых мошенников целой кучей новых», что оно позволило «новым негодьям захватить у старых богатства и власть без существенной пользы для масс» «Стоило ли, - говорит он, - будоражить всю Европу только для того, чтобы Павла заменить Петром, а народ оставить попрежнему в рабстве!» Столько крови пролито напрасно, столько усилий потрачено только на то, чтобы прийти в конце концов к режиму подкупа и интриг. Возмущенный этим, Буонаротти восклицает: «Справедливости нет и теперь на земле, революция до сих пор - только великое преступление».

Все эти утверждения вождей бабувизма необходимо подчеркнуть и запомнить, так как они имеют чрезвычайно важное значение. Они относят Заговор Равных одновременно к революциям и минувшей и грядущей эпохи. Эта идея завершения революции или, если угодно, новой революции, направленной против классов, воспользовавшихся революцией 1789 г., составляет одну из основ современного революционного социализма.

Равные и пролетарии

Но для того, чтобы добиться этой дополнительной революции в пользу плебеев, бабувисты должны были, очевидно, прежде всего искать опоры именно в этом классе.^{xix}

Моруа, агент 12-го округа, по происхождению рабочий, в одном из своих донесений говорит буквально так: «Рабочий класс - это наиболее ценный общественный класс».

Бабеф постоянно обращается к «людям из народа, к рабочим всех профессий». «Пролетарии, - по словам Буонаротти, - единственная настоящая опора равенства». Тот же Буонаротти рассчитывает на «многочисленный класс рабочих», как на революционную опору для 17.000 человек повстанческой армии. Действительно, заговору была обеспечена поддержка предместий Сент-Антуана и Сен-Марсо. В других кварталах Парижа огромное число рабочих было затронуто пропагандой Равных. Одно письмо в центральное полицейское бюро говорит о множестве приверженцев учения Бабефа в мастерских Гренуйер на набережной теперешнего дворца Бурбонов.

Повстанческий комитет чувствовал, однако, что движение должно искать поддержку не только среди рабочих, но и среди «мелких собственников, мелких торговцев, бедняков, крестьян, поденщиков, ремесленников, одним словом - всех обездоленных, осужденных нашими порочными учреждениями на жизнь, полную лишений, страданий и забот».

Поэтому бабувисты и призывали всех этих полупролетариев и пролетариев к борьбе против существующего общественного строя. События властно диктовали бабувистам связь между «социалистической» идеей и рабочим классом, и это было обстоятельством новым и чреватым огромными последствиями. Но сами бабувисты не понимают еще смысла непосредственного рабочего движения. Они не замечают стычек и конфликтов, вспыхивающих между рабочими и хозяевами. Они не видят их огромного теоретического и практического значения и проходят мимо, не извлекая из них никакой пользы.

А между тем в период от брюмера до термидора IV г. среди рабочих происходят значительные волнения. Рабочие выставляют свои требования, сговариваются между собой, вступают в стачку для поддержки своей заработной платы и выплаты ее звонкой монетой, а не ассигнатами. Аресты, тюремные заключения, замена стачечников солдатами, судебные преследования свидетельствуют о силе этих частичных движений, которые охватывали печатников, рабочих денежной экспедиции, грузчиков зерна, металлистов, мебельщиков, фуражечников и прочих. Равным следовало не держаться в стороне от этого экономического движения, а поддерживать его, согласовать,

^{xix} В годы политической деятельности Бабефа пролетариат, как класс, еще не сложился. О выделении этой социальной группы из «трудящегося населения», о формировании классового самосознания см.: Е.Кожокин, «Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>, <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>, http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.pdf).

прислушиваться к непосредственным требованиям пролетариата, одним словом - принять живое участие в борьбе и, по возможности, развернуть ее в классовую войну.

Нельзя, однако, отказать бабувистам в способностях к действию и к пропаганде, они были одарены ими в высокой степени, но они были людьми своего времени и не думали о необходимости тесного слияния в одно неразрывное целое пролетарской борьбы и коммунистической идеи. Справедливость требует, во всяком случае, отметить, что они пытались завоевать рабочие массы не только безусловно необходимой теоретической пропагандой, но и пропагандой конкретной, практической, состоявшей в выработке непосредственных требований и реальных лозунгов. Их вина заключалась в том, что все эти лозунги они создавали произвольным путем, вместо того, чтобы черпать их из повседневной борьбы трудящихся масс. И все-таки их методы пропаганды существенно отличались от приемов пропаганды философов XVIII века и были более близки к санкюлотам. И это, между прочим, бесспорно надо поставить им в заслугу.

Равные и реформы

Изложив сущность спора в комитете Амара между сторонниками паллиативных мер и сторонниками коренной реформы, Буонаротти говорит: «Пути истины и справедливости нелегко доступны массам; их нельзя убедить теми же мотивами, как и людей, привыкших к мышлению».

Эти строки объясняют нам, почему Равные поддерживали в клубе Пантеона выполнение декретов от 8 и 14 вантоза II года о наделении из миллиардного национального фонда защитников свободы и о разделе имущества врагов революции между беднейшими патриотами и почему они также ходатайствовали в петиции об улучшении материального положения рабочих и внесении их в списки присяжных. «Только такого рода дискуссиями, - говорит Буонаротти, - можно было пробудить» в народе ту энергию, с помощью которой он совершил чудеса и без которой все усилия, направленные к установлению сносного общественного порядка, были бы напрасны».

Буонаротти рассматривал эти реформы, как средства пропаганды и агитации. По существу они далеко не удовлетворяли ни его, ни его друзей. «В комитете (Амара) признавали, - пишет знаменитый тосканский революционер, - что законы о свободе и равенстве никогда не найдут полезного и продолжительного применения без радикальной перемены самого порядка владения собственностью».

Некоторые факты помогут точнее определить отношение бабувизма к реформам и ко всему тому, что мы называем ныне реформизмом: к дискуссии в комитете Амара, к голосованию за принудительный заем и к разногласиям между Бабефом и Антонеллем.

Амар для уничтожения неравенства предлагал: налог на торговлю, революционные контрибуции и реквизиции у имущих. В этих мерах он видел «способы перекачивания избытков из переполненных карманов для пополнения карманов у тех, кто лишен самого необходимого». Другие предлагали раздел земель, обложение предметов роскоши и прогрессивный налог. Против этих мер боролись Дебон, Дартэ, Лепельтье, Буонаротти. В конце концов, Амар отказался от своих предложений. Это, повидимому, указывает на то, что доводы, выдвинутые в процессе дискуссии против этих реформ, были достаточно убедительны. Буонаротти познакомил нас с главным из этих доводов.

Исходить надо из того, что основное средство состоит «не в изменениях в праве собственности, а в полной отмене этого права». Речь идет не об уменьшении бедствий, причиняемых неравенством, а об уничтожении самого неравенства. Такие средства, как раздел земель или налоги на предметы роскоши, «предоставляют распределение работ и имущества произволу и конкуренции. Они ставят неудержимому потоку лишь слабую плотину, постоянно подмываемую и разрушаемую действием алчности и честолюбия, которым право собственности постоянно доставляет тысячу средств для преодоления всех препятствий».

Для удовлетворения неотложных нужд и разоблачения козней богачей уже во II году прибегали к реквизициям, налогам и революционным обложениям; но эти меры не могут без ущерба для общественного порядка стать обыденным явлением. «Они подрывали бы источник производства, лишив производителя стимула к обогащению, толкали бы к спекуляции и к тому же были бы недостаточны для борьбы со скрытым накоплением богатств».

Буонаротти признает, что прогрессивный налог, - отличающийся от пропорционального тем, что в нем процентное отношение налога к доходу растет вместе с ростом дохода, - препятствует накоплению больших состояний и щадит малые. «Этот налог, - говорит он, - был бы действительным средством для дробления земель, для препятствия накоплению богатств, для уничтожения праздности и роскоши, если бы требуемая при этом точная оценка состояний не была так трудно достижима. Этот способ определения налога, - прибавляет он, - был бы в лучшем случае лишь шагом вперед к улучшению существующего положения: он смягчил бы зло, но не вырвал бы его с корнем».

Бабеф, преследуемый полицией, не мог участвовать в дискуссиях комитета Амара, и об этом можно пожалеть, так как он помог бы выяснить многие спорные положения. Вопрос о реформах был знаком Бабефу с давних пор, и можно сказать, что он почти всегда рассматривал его с точки зрения того, «чем человечество должно было бы быть», т.-е. с точки зрения коммунизма.

Когда он в 1789 году в своем «Постоянном кадастре» перечисляет многочисленные преимущества, которые получились бы от принятия его проекта, то он, тем не менее, обращает внимание читателя на «расстояние, которое придется еще пройти, чтобы достичь абсолютного общего счастья», на «причины, которые препятствуют приближению к этой великой цели». Его недомолвки и ограничительная формулировка предложений в пользу неимущих классов характерны, и Альберт Тома указывает на это с полным основанием. Считая, однако, реформы недостаточными по существу, Бабеф все же от них не отказывается. В примечании к тому же труду он говорит: «Необходимо использовать любую возможность, лишь бы была надежда на удовлетворение своих требований». В письме к Купэ, два года спустя, он предлагает целый ряд мер, которые необходимо провести законодательным путем, «чтобы приблизить развязку», как «шаг вперед к аграрному закону». Отсюда ясно, что Бабеф и здесь рассматривает реформы только как подсобную меру к полному общественному преобразованию. И если, - как это видно из статьи, появившейся в «Газете свободы печати», - во время своего послетермидоровского заблуждения Бабеф и отказался было от этой точки зрения, то это - только исключение из общего правила.

Некоторое время спустя, в письме к Жермэну от 10 термидора III года он говорит, что массам более понятны частичные реформы, нежели коренная реформа, хотя, «идя на непрерывные уступки, они лишь до бесконечности отдаляют свое счастье». Временным мерам и паллиативным средствам он противопоставляет полное разрушение старого режима угнетения и суеверия. В течение брюмера и плювиоза IV года он неоднократно выступает против реформистских иллюзий. Экономический кризис достиг тогда своего высшего предела. «Дезертиры из преследуемой партии», побуждаемые «необходимостью вернуть себе утраченную популярность для спасения своих голов», предлагают «несколько паллиативных законов». Бабеф протестует: «Эти сладенькие сиропы не удовлетворяют меня, и, кроме того, я еще уверен, что их применение не будет обеспечено. Каким образом это возможно при сохранении *pes plus ultra* (до крайности) вероломных учреждений, при правительстве наиболее аристократическом из всех когда-либо существовавших?»

Сторонники реформ ошибаются, если думают «расшевелить народ» при помощи материальных приманок и «идей, в которых больше внешнего блеска и показного эффекта, чем солидности и реальности». Бабеф полагает, что большинство населения неспособно к движению «в пользу укрепления республиканского здания на нынешней его основе».

Голосование за размещение среди имущих принудительного займа дало ему случай более точно высказать свой взгляд. «Облагайте богача сколько вам вздумается, - пишет он, - богач всегда найдет способ возместить вам за счет бедняка, так как все предметы потребления в его руках; разве только вы были бы достаточно предусмотрительны и так оградили бы закон, чтобы алчность не могла его нарушить. Но этого-то вы и не сделали 17 фримера, когда издали свой закон о займе. Что же произошло? Мясо, стоившее раньше от 20 до 25 франков фунт, сразу поднялось в цене до 100 франков и более. Все прочие продукты питания поднялись в такой же пропорции.

Бесстыдные министерские льстецы имели смелость писать в газетах, что с изданием закона произошло значительное падение цен на некоторые товары. Они постыдно лгали. И могло ли быть иначе, когда обладателям предметов первой необходимости была предоставлена самая преступная и бесконечная свобода действий, давшая им возможность произвольно устанавливать цены на все товары, - когда оставили неприкосновенной эту неограниченную свободу грабежа и самого возмутительного хищничества? Что этим кровопийцам до того, что вы их облагаете? Это, в лучшем случае, - суммы, которые вы берете у них в долг; они знают, откуда их можно в конце концов вернуть».

Эта серьезная критика принудительного займа послужила дополнением к нападкам Лорана Лекуэнтра на закон от 17 фримера IV года. Но, как выход из этого положения, Лекуэнтр требовал восстановления «максимума»¹⁹ и создания особого рода палаты для беспощадной борьбы с поработителями народа. Бабеф никоим образом не хотел следовать по пути этого бывшего члена Конвента. Он восстал против «слабых паллиативов» и восклицал: «Лекуэнтр верно оценивает серьезность болезни, но он ничего не понимает в ее лечении. При кризисе столь тяжелом нельзя применять легкие раздражающие средства - нужны рвотные, ртуть, шпанская мушка, ляпис. Да, да, мы их предпишем!»

Разногласия между Бабефом и Антонеллем

Спор с Антонеллем в первые дни жерминаля IV года окончательно раз'ясняет нам взгляды Бабефа на реформы.

Это было накануне образования Тайной Директории бабувистов. По личному убеждению или, что более вероятно, по тактическим соображениям, чтобы вызвать возражения в пользу коммунизма, Антонелль в газетах. «Плебейский Оратор» и «Журнал Свободных Людей» допускал справедливость общности имущества, но отвергал возможность ее осуществления. Самое большое, по его словам, что возможно, это - приблизительно уравновешенное неравенство состояний. Все законы должны, следовательно, быть направлены только против честолюбия и жадности; общественный строй на основе индивидуальной собственности должен быть сохранен с некоторыми улучшениями.

Бабеф отвечал Антонеллю, как учитель ученику. Он указал ему слабые пункты его аргументации и взял под защиту то, что Антонелль называл «грабительскими мерами», и что было по существу лишь мерами разрушения существующего строя. «Никакое движение, - говорит он, - никакое действие, которое хотя бы частично лишило собственности тех, которые в избытке владеют ею, в пользу почти ничего не имеющих, не было бы, на мой взгляд, грабежом: это было бы, напротив, началом возвращения к справедливости и к настоящему порядку». Исследуя затем средства борьбы с язвой индивидуальной собственности, предлагаемые Антонеллем, Бабеф прибавляет: «Как, гражданин, паллиативы!.. Позволь мне усомниться в их действительности. Я требую от тебя прежде всего ответа на то, что я уже сказал по этому поводу в № 37 «Трибуна». Где, - говорил я тебе, - та предельная степень неравенства состояний, которая удовлетворит тебя? Подумай, не труднее ли будет установить и удержать такую степень неравенства, чем строжайшее равенство? Если придет великий для народа день и народ заставит итти на уступки злодеев, то будь уверен, народ ничего не добьется, если потребует от них лишь полумер. Мошенническая каста миллионеров будет торговаться с народом, будет оттягивать и постарается ничего не дать. Пусть, наоборот, народ потребует полной справедливости, пусть он торжественно заявит о своей верховной воле, пусть он покажет себя во всей своей мощи; тоном своей речи, формой выступлений он заставит всех себе подчиниться; ничто не сможет противодействовать ему; он добьется всего, чего хочет, и всего, что ему нужно. Частичные народные законы, всякое возрождение наполовину, всякое самоограничение и примирение - все это всегда очень непрочное. Закон Лициния в Риме, закон «максимума» во Франции - держались недолго, и их легко обошли. Законы Ликурга держались дольше, так как они защищали основные интересы, повседневные и постоянные для всех граждан, и все чувствовали себя обязанными охранять эти законы».

¹⁹ Максимум - закон о предельных ценах на предметы первой необходимости в 1793 г.

Бабеф приводит затем другие аргументы из «Кодекса природы», который он приписывает перу Дидро. Он цитирует оттуда одно место для подкрепления своей мысли и заканчивает: «Нет, Антонелль, в конце XVIII века, когда мы вооружены всем светом опыта и философии, стыдно поддерживать на костылях, пытаться сохранить это ветхое здание частной собственности, которое веками служило огромным вертепом, поглощавшим лучшие силы подавляющего большинства. Не тронь, Антонелль, оставь этих несчастных, чудовищами вертепа выброшенных из общества, не мешай им ускорить его уже недалекий развал; не являйся к ним со своими подпорками и костылями, не ходи к ним для починки и исправления неисправимого. Дай двадцати четырем миллионам Геростратов разрушить на твоих глазах этот подлый храм, в котором приносятся жертвы злему демону нищеты и ограбления всех людей».

Невозможно, кажется, противопоставить с большей силой революционную точку зрения, во всей ее полноте, реформизму, способному в лучшем случае только укрепить капиталистическое общество. Взгляды Бабефа на вопрос о реформах можно резюмировать так: во-первых, Бабеф не был враждебен реформам, поскольку они являются одним из видов коммунистического движения; во-вторых, он восставал против реформ, как заплат на обществе, основанном на привилегиях и несправедливостях; в-третьих, он отрицал серьезность реформ, имеющих целью ограничить бедствия от частной собственности; в-четвертых, он считал эти реформы опасными, потому что они системой уступок и убаюкивания могли привести к соглашению между враждебными классами как в нормальное время, так и во время революции.

Б о р ь б а к л а с с о в

Благодаря революции Бабеф приобретал все более ясное представление о борьбе классов, и он восстает против всего, что может приостановить или затушевать эту борьбу.

В первом номере своего «Народного Трибуна» он об'яснил, почему имя Камилла, избранное им для себя в начале революции, он переименовал на имя Гракха (Бабеф дал себе имя Гракха еще в конце 1793 г. в брошюре, озаглавленной «Новый календарь»). Он меняет имя потому, что его «демократизм» очистился; между тем Камилл соорудил храм богине Согласия, во имя союза между двумя римскими классами, при котором народ оказался обманутым.

Мы видели, что в одном номере «Народного Трибуна» он определял революцию, как войну между богатыми и бедными. В другом номере он пишет: «Я различаю две партии диаметрально противоположные по системе и по плану общественного управления... Я готов верить, что обе желают республики, но каждая желает ее по-своему. Одна хочет республики буржуазной и аристократической; другая говорит, что республика создана ею и потому республика должна быть народной и демократической. Одна партия желает республики для миллиона людей, которые всегда были врагами, господами, притеснителями, пиявками для двадцати четырех миллионов других и веками наслаждались в бездельи за счет нашего пота и наших трудов; другая партия хочет республики для этих двадцати четырех миллионов, которые заложили фундамент республики, скрепили его своей кровью, питают, содержат, снабжают отечество всем необходимым, защищают его и умирают ради его безопасности и славы. Первая партия желает республики с патрициатом и плебсом, с меньшинством привилегированных и господ, пользующихся в избытке всеми благами жизни, и с громадным большинством, доведенным до состояния илотов и рабов; вторая партия добивается для всех не только равенства перед законом, равенства на бумаге, но и достойного существования, обеспечения в законном порядке всех физических потребностей, всех социальных достижений, с обязательным и справедливым распределением всех продуктов общественного производства».

Не являются ли эти две партии, диаметрально противоположные, политическим выражением классовой борьбы? Бабеф всегда охотно противопоставляет бедных богатым. В своем знаменитом письме к Жермэну (10 термидора III года) он лучше всего подчеркнул это противопоставление:

«Я вижу, - говорит он, - как без белья, без одежды, без обуви ходят почти все те люди, которые производят лен и коноплю, которые, как рабочие, ткнут полотно или шелк, изготавливают холсты и материи, обрабатывают кожу и делают из нее обувь. Я вижу также как голыми и босыми, не имея самого необходимого, живут те, кто изготавливает своими собственными руками мебель, домашнюю утварь и ремесленные орудия, строят дома и т.д.

Когда я, вслед за этим, смотрю на незначительное меньшинство, у которого все есть, то я замечаю, что, кроме земельных собственников, они состоят из людей, абсолютно ничего не делающих, из людей, которые занимаются только тем, что высчитывают, комбинируют, освежают и оживляют под новыми формами очень старый заговор части против целого, - я хочу сказать - заговор, вследствие которого множество рук принуждено работать, не извлекая из этого труда пользы лично для себя».

Бабеф не довольствуется возведением факта классовой борьбы на высоту принципа. Он применяет этот принцип более последовательно, чем множество современных социалистов, и многие события он рассматривает именно через классовую призму. Его никак нельзя было бы одурачить пустыми, неопределенными громкими фразами, при помощи которых современная буржуазия ловко вводит в заблуждение пролетариат. Он в сущности уже марксист, отыскивающий в каждом слове его пролетарское и революционное содержание. Он говорит: «Таков уже лексикон дворцов, замков и палат, что все слова хижин имеют там обратный смысл».

На языке патрициата-капитализма Равные - это дезорганизаторы. Бабеф возражает: «Организация у этих господ - это та же дезорганизация... Я называю дезорганизацией... всякий порядок, наделяющий избытками незначительное меньшинство и обрекающий значительное большинство на истощение и смерть... Дезорганизаторы, по-моему, все те, кто содействовал установлению существующего порядка и продолжает его поддерживать... Я называю организацией прямо противоположный порядок, при котором обеспечено счастье масс; и организаторы - это по-моему те, кто работают над созданием и осуществлением законов, обеспечивающих такие счастливые результаты».

Коммунизм называют также грабежом, и Бабеф отвечает: «Нет, это ваши учреждения... - анархия, грабеж, разбой... Это они возводят воровство в принцип..., благодаря им грабитель, не желающий работать, лишает деятельного и производительного труженика его орудий труда, средств его существования». В другом месте «Народный Трибун» так определяет грабеж: «Это - сто тысяч средств, при помощи которых наши законы раскрывают настежь двери неравенству и разрешают ограбление подавляющего большинства ничтожным меньшинством».

Когда Антонелль утверждает, что путь к полной отмене собственности идет только через «гражданскую войну», Бабеф отвечает ему: «Гражданская война! Я спрашиваю тебя, может ли существовать война страшнее той, которая ведется непрерывно с момента учреждения собственности, когда каждая семья стала обособленной республикой и, из боязни оказаться ограбленной самой и из-за вечной заботы о своих нуждах, непрерывно устраивает заговоры для ограбления других... Нечего бояться на пути к строю равенства таких гражданских войн, которые выдержали бы сравнение с непрерывными, питающими нынешний строй, войнами человека против человека и народов против народов».

Из этих немногих примеров видно, что раньше, чем высказаться об организации, грабеже и гражданской войне, Бабеф задает себе вопрос, о какой организации, о каком грабеже и о какой гражданской войне идет речь. Он умеет делать различия между этими словами, так как он насквозь проникнут классовым пониманием. И даже в Вандоме перед Верховным Судом, он еще раз противопоставляет «свою мораль» и «свое достоинство» морали и достоинству судей.

Сильвен Марешаль - единственный из других бабуви-стов, оставивший нам такую же, как у Бабефа, яркую картину социальных противоречий, конфликта богатых с бедными, имущих классов с неимущими. Мы находим следы этой борьбы и в «Манифесте Равных». Но Сильвен Марешаль не всегда умел извлечь урок из антагонизма классов - если не во время самого заговора, то по крайней мере в течение революции. Его желание упразднить классы толкало его иногда в сторону дружеского соглашения, примирения классов.

Позиция Бабефа в классовой борьбе представляется значительно более твердой. Он не признает никаких компромиссов.

Так как «самая жестокая из гражданских войн», война богатых против бедных, факт, то необходимо наилучшим образом использовать ее в интересах рабочего класса. Но богатые вооружены «всеми орудиями борьбы», а бедные «беззащитны». Народ не должен терпеть этого. «Пусть он с равным оружием выйдет на борьбу с теми, кто убивает. Эта война скоро даст решительный исход в его пользу и покончит с бедствиями огромного большинства. Нужно, говорите вы, для успеха дела действовать «политически», выждать случая... Выждать, играть в политику? Да могу ли я выждать и разыгрывать дипломата, когда я вот уже сорок восемь часов как ничего не ел? Когда, вставая утром, я не знаю, что мне продать - мои последние изношенные штаны, мою рубашку, мой старый пиджак или мое тощее одеяло... Мы находимся на огнедышащем вулкане, а вы призываете нас к терпению!»

Легко привести множество цитат в подтверждение той страсти, с какой Бабеф относился к классовой борьбе. Вот наудачу выдержка из письма к Фуше от 17 брюмера IV года: «Время промедлений прошло. Народ слишком сильно чувствует всю тяжесть своих страданий, он больше не в состоянии сносить их. Нет лучшего средства помочь ему, чем двинуть его на борьбу с врагами, со всеми виновниками его страданий. Горе тому, кто остается равнодушным и проповедует терпение...»

Бабувистская критика общества

Жестокая классовая борьба, которую Бабеф освещает с такой поразительной яркостью и которую он хочет усилить в интересах рабочего класса, является лишь «результатом плохого и бесчестного общественного строя». «Народный трибун» должен бороться с этим строем. Каким образом? Во имя права пролетариата? Бабеф не дает нам ответа, и нельзя, соблюдая историческую перспективу, ставить ему в упрек, что он в этом пункте покидает позицию классовой борьбы и прибегает к оружию, взятому у философии. Воспитанный в школе Руссо, Морелли, Мабли и Дидро, Бабеф критикует общество эксплуатации и грабежа с точки зрения естественного права. Он предлагает «священную и благородную войну» для восстановления естественных законов; он действует для установления естественного порядка; он нападает на «человека, якобы цивилизованного», противопоставляя ему человека природы. В «Анализе учения Ббефа», официальной программе бабувизма, говорится: «Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами. Цель общества - защита этого естественного равенства от частых нападков со стороны сильных и дурных людей, увеличение общим путем суммы общих благ. Природа наложила на каждого обязанность трудиться. Никто не может уклониться от труда, не совершая преступления. Труд и пользование его благами должны быть общими».

Таким образом, Равные во имя Природы требуют общественного труда и общественного пользования его благами – «этих двух основных условий подлинного равенства», как сказал Буонаротти. «Пусть каждый работает, - говорит Буонаротти, - для великой общественной семьи и пусть каждый получает от нее средства существования, наслаждения и благополучия: вот голос Природы!» Во имя той же Природы Равные требуют общественной собственности: «Никто не может, - говорится в «Анализе», - не совершая преступления, присваивать исключительно себе богатства земли или промышленности. В настоящем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных». Первое требование Природы, согласно «Манифесту Равных», это - имущественное равенство при общественной собственности. В естественном состоянии собственность принадлежит всем. Надо вернуться к этой первобытной форме владения.

Равные требуют общего образования опять-таки во имя Природы. «Никто не смеет, - говорится в «Анализе», - накоплением для себя всех средств лишить другого образования, необходимого для его счастья; образование должно быть всеобщим». В естественном состоянии, правда, господствовало невежество, но, по крайней мере, все тогда были невежественны. Образование, став индивидуальным, превратилось в привилегию. Оно дало более хитрым и более ученым возможность обмана, и предрассудки, привитые массам, послужили общему порабощению в пользу ничтожного меньшинства.

Постепенно и последовательно углубляя свою критику общества, Бабеф приходит к утверждению, что наследственное право и право отчуждать собственность - вредные учреждения, что зависимость заработной платы от «тиранических и беспощадных богачей» отвратительна, что разница в заработной плате между различными профессиями - нелепость и несправедливость. Короче говоря, Бабеф, в конце концов, создает целую социальную доктрину, действительно замечательную для его эпохи.

Сознавая огромную важность экономического вопроса, Бабеф пишет в № 29 своего «Народного Трибуна»: «В сущности принципы всякой политики сводятся к тому, чтобы обеспечить всем управляемым удовлетворение их потребностей». А в № 35 он еще более уточняет свою мысль: «Нет истин более важных, чем те, которые один философ высказал в следующих выражениях спорьте сколько вам будет угодно лучших формах правительства, вы ничего не сделаете до тех пор, пока в корне не уничтожите алчности и честолюбия... Нужно... обуздать слепую судьбу; нужно сделать каждого члена общества независимым от счастливых или несчастных случайностей и обстоятельств, нужно обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не больше, чем достаток; нужно закрыть для всех все возможные пути для получения излишка продуктов природы и труда сверх нормы. Единственный способ достижения этой цели - это установить общее управление; уничтожить частную собственность; привлечь каждого человека к использованию своих способностей в той отрасли производства, которую он знает; обязать его внести натурой продукт своего труда в общественный склад; установить простую хозяйственную администрацию, которая должна вести учет всех лиц и всех товаров и распределять эти товары в духе самого добросовестного равенства...»

Таковы практические меры Бабефа. Но это уже больше, чем аграрный закон, это - коммунизм.

Коммунизм и аграрный закон

Различие между коммунизмом и аграрным законом было старательно установлено Бабефом, Марешалем и Буонаротти в самый разгар Заговора. Не мешает на этом остановиться.

«Я очень далек от аграрного закона, - говорит Бабеф в присутствии Гризеля. - Это нелепость, лишенная всякого здравого смысла. Нельзя превращать Францию в своего рода шахматную доску... Система общественного благополучия, к которой я стремлюсь, состоит в полном и безоговорочном упразднении собственности во всей Франции...»

Предвидя, однако, неизбежное отождествление своей системы с аграрным законом, Бабеф пишет: «Вы, значит, требуете аграрного закона? - воскликнут тысячи честных людей. Нет, мы требуем гораздо большего! Мы знаем, какой неопровержимый довод могли бы выдвинуть против нас. Нам правильно указали бы, что аграрный закон не может удержаться дольше одного дня, что, на следующий день по его введению в жизнь, мы опять столкнемся с неравенством».

Маршалль в «Манифесте Равных» рисует аграрный закон или раздел земель, как стихийное требование части несознательных солдат и некоторых народных групп, движимых инстинктом. «Мы стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому - к общественному благу или к общности благ».

Наконец, Буонаротти, который при поддержке Дебона, Дартэ и Лепельтье выступал уже против раздела земель в комитете Амара, подчеркивает в одной из брошюр Заговора, что система бабувистов исключает всякий раздел земель. «Этому именно разделу, - говорит он, - наши общества - продукт нужды, страстей и невежества наших отцов - обязаны тиранией и всем злом, жертвой которых мы являемся».

Вопрос ясен. «Широкий и грандиозный проект аграристов», - как говорит Жермэн, - это не аграрный закон, это коммунизм. Почему же, спрашивается, Бабеф и Маршалль поддержали аграрный закон во время революции? Почему они утверждали даже, что революция - это своего рода аграрный закон? Это не поддается объяснению, так как логически, как это, впрочем, говорит и сам Бабеф, раздел земель - противоположность коммунизму.

Однако, противоречие неразрешимо в том лишь случае, если рассматривать вопрос абстрактно. Нужно брать его в конкретной обстановке. Необходимо мысленно перенестись в ту эпоху и отдать себе отчет в том, что тогда совсем не было способа ставить вопрос о коммунизме иначе, как в форме аграрного закона. Слишком резкое и углубленное различие между аграрным законом и коммунизмом, какое мы теперь делаем, было бы грубой ошибкой и искажением взглядов Бабефа перед Заговором Равных.

А н т и м и л и т а р и з м и ф е м и н и з м

Та же общность взглядов, которая объединяла вождей бабувистов по вопросу об аграрном законе, очевидно, господствовала среди них и по вопросу о милитаризме.

Можно сказать, не впадая в преувеличение, что газеты Заговора и инструкция военным агентам уже фиксируют основы рабочего антимилитаризма в таком виде, как он возник впоследствии с вмешательством армии в конфликты между трудом и капиталом.

Страстный призыв к солдатам в № 41 «Народного Трибуна» напоминает им об их ответственности. Указав на подлинный народ, трудящийся народ, рабочий народ, доведенный до голода, обиженный, придавленный, презираемый «народом спекулянтов и мошенников», воззвание говорит: «Разве вы держите тройной кордон штыков вокруг всего Парижа, чтобы усмирять угнетателей и защищать угнетенных? Нет! Как раз наоборот, ваше оружие и ваши силы хотят использовать для того, чтобы полностью закабалить угнетенных под игом угнетателей, чтобы оставить притесненных в полном подчинении у притеснителей, чтобы удержать народ в его страданиях и жалком бессилии... Вам дают оружие в руки, чтобы сохранить, увековечить такую систему гнета...»

В другом месте бабувисты возбуждают солдат к защите своих прав, толкают их на непослушание и на присоединение к народу: «Чтобы остановить быстрое наступление наших тиранов, громко потребуем обещанных нам земель. Бросим оружие, пока не получим их, или, лучше, присоединимся к народу для наказания тиранов, завладевших нашей собственностью...» Многократно расхваливается поведение французской гвардии, «опускающей свои ружья перед санкюлотами». Наоборот, суровому осуждению подвергнуто поведение армии, выступающей 12 жерминаля и 14 прериала против народа в лохмотьях. Солдат стыдятся за то, что они пассивно переносят «усовершенствованную тиранию», украшенную именем военной дисциплины; в них вызывают ненависть к «презренным начальникам» - контр-революционерам.

Заметим, что бабувисты не были противниками милитаризма вообще, но они были против милитаризма, как орудия сохранения старых основ общества. Доказательством этому служит тот факт, что, в сознании опасности для революции, они не только подпольно организовали повстанческую армию, но предвидели и создание постоянной армии, состоящей из молодежи и предназначенной к защите Республики Равных от внешних нападений. Кроме того, как это будет видно в дальнейшем, они считали необходимым всеобщее вооружение всех трудящихся и назначение офицеров выборным путем на определенный срок.

В вопросе о правах женщин заговорщики, кажется, далеко не сходились во взглядах.

Маршалль был упорным противником возникшего с 1791 года женского движения. Он отрицал равенство полов и опасался, что женщины, превратившиеся в гражданок, будут пренебрегать своими домашними обязанностями и сделаются конкурентами для мужчин. А.Шабозо сделал странную ошибку, представив Маршалля «одним из наиболее остроумных отцов феминизма».

Что касается Буонаротти, то, он, повидимому, оставался равнодушен к вопросу об освобождении женщины, по крайней мере во время Заговора. Впоследствии он признает, что «женщина имеет, конечно, столько же прав на свободу, как и мужчина», но он подчиняет вопрос об ее гражданском освобождении вопросу общественного перевоспитания. В своем изложении доктрины, Равных он совершенно не упоминает о политической роли женщины в бабувистской Республике.

Бабеф в этом вопросе шел дальше Маршалля и Буонаротти.

Он не исходил, конечно, из того принципиального положения, что только освобождение пролетариата, заменив эксплуатацию человека человеком бесклассовым обществом, осуществит экономическую и духовную независимость обоих полов. Но в эпоху, когда идеи феминизма находились еще в густом тумане, когда большинство революционеров высмеивало политические требования женщин, он имел, по крайней мере, ту заслугу, что провозгласил умственное и нравственное равенство полов, требовал участия женщин в политической жизни, показал, какую можно из этого извлечь пользу для революции.

Вот советы, которые он дает в III году своим товарищам из «бывшего избирательного клуба», о необходимости и о средствах организации настоящего народного общества: «Не заставляйте больше молчать тот пол, который не заслуживает презрения. Поддерживайте, наоборот, достоинства наиболее прекрасной половины вас самих... Если вы не будете считаться с женщинами в вашей Республике, то вы сделаете из них маленьких фавориток монархии. Их влияние станет таким значительным, что вас приведут к этой монархии. Наоборот, попробуйте считаться с ними - и вы сделаете из них Корнелий и Лукреций, а они вам воспитают Брутов, Гракхов и Сцевола. Вы сделали, граждане, шаг назад, отказавшись недавно от голоса представительницы того пола, который тирания мужчин всегда хотела обезличить, - того пола, который, однако, никогда не был бесполезен в революциях. Вы должны были бы тем более поспешить с исправлением этой ошибки, что энергичная женщина, которой вы силой закрыли рот, сама по себе уже служит примером того, что ее пол равен вашему и по уму и по мужеству.

Патриоты! Не мешайте никому высказывать истины, которые вы не осмеливаетесь говорить. Эх, граждане, сами-то вы еще не слишком сильны...»

Из этого видно, что Бабеф не откладывал вопроса о судьбе и роли женщин на другой день после революции. Однако в этом вопросе он воздерживался, повидимому, от навязывания своих личных взглядов Распорядительному Комитету, несомненно опасаясь вызвать вредный коммунизму раскол.

Революционная диктатура: ее необходимость

Каким образом предполагали Равные установить коммунизм? Думали ли они его ввести сразу? А если нет, то не думали ли они через конституцию 1793 г. проложить путь к коммунизму? Это чрезвычайно важные вопросы.

Вся проблема периода, следующего за восстанием, заключена в ответе на эти два вопроса.

Рассмотрим, как бабувисты представляли себе период, который наступит вслед за вооруженным восстанием и который мы называем теперь переходным периодом от капитализма к коммунизму.

Задача нетрудная, ибо Равные, как положительные мыслители, с большой тщательностью обдумывали этот период во всех его подробностях. Никогда не упуская из вида коммунизма, более того - уделяя исключительное внимание изучению эгалитарного законодательства, они всегда рассматривали революцию как долгий опыт. Они никогда не смешивали ее начала с ее концом. Это, несомненно, объясняется тем, что большинство из них в самых разнообразных ролях сталкивалось с революционными трудностями II года.

В глазах Равных факт завоевания центральной политической власти несколько еще не являлся завершением борьбы за эту власть; он открывал лишь собою новый период борьбы и политического воспитания.

«Временная революционная власть» должна была немедленно занять место Директории, чтобы «навсегда освободить народ из-под влияния естественных врагов равенства и вернуть ему единство воли, необходимое для усвоения революционных идей».

Это была революционная и пролетарская диктатура - за пятьдесят лет до Маркса, за сто двадцать лет до Ленина.

«Было очевидно, - говорит Буонаротти, - что реальные условия и самый успех предприятия требовали известного промежутка времени между падением аристократической власти и окончательным установлением народной конституции».

МОРИС ДОМАНЖЕ
БАБЕФ И ЗАТОВОР РАВНЫХ
Ленинград: «Прибой». 1925

Буонаротти прибавляет, что заговорщики чувствовали, «насколько было трудно - немедленно, одним ударом заменить законодательство, основанное на принципе собственности, несравненно более мягким и справедливым режимом равенства имуществ и труда». Тайная Директория вынуждена была разрешить вопрос, который «обстоятельства делали чрезвычайно затруднительными»: какой формой власти немедленно заменить Директорию?

Все члены Заговора думали, что было бы невозможно сейчас же созвать первичные собрания для назначения законодательного органа и регулярного правительства, не только потому, что время не позволило бы этого, но и потому, что «было бы величайшей неосторожностью оставить нацию, хотя бы на один момент, без управления и руководства». Восстание ставило себе целью не новую избирательную процедуру, не перемену в формах общественного управления, а коренной переворот общественного порядка. А в этой огромной, одновременно разрушительной и созидательной работе Тайная Директория не питала доверия к выборному собранию.

«История и опыт Французской Революции, - говорит Буонаротти, - убедили в том, что, вследствие неравенства, в городе возникают раздоры, создаются противоположные друг другу интересы, разжигаются враждебные чувства, и в результате народ, ставший невежественной легковерной жертвой непосильного труда, подчиняется небольшому числу образованных и ловких людей, которые оказанное им предпочтение употребляют только для сохранения и укрепления благоприятного исключительно для них порядка».

Это значит, что бабувисты не давали одурачить себя избирательными фикциями. Они сознавали, что буржуазия, сильная своей культурой, своим знанием людей и вещей, своим богатством, а, следовательно, мощными источниками подкупа и обмана, подделывает характер выборов и добивается всегда сохранения власти в своих руках.

«Народ, отброшенный таким возмутительным образом от естественного порядка вещей, - пишет Буонаротти, - не был в состоянии использовать выборы для себя и нуждался в исключительном средстве, которое дало бы ему возможность фактически, а не фиктивно, пользоваться всей полнотой своего господства». Этим средством являлось революционное правительство. Только оно могло «вырвать из рук естественных врагов равенства средства обмана, устрашения и раздора». Только оно могло принять меры, чтобы произвести счастливый и великий переворот, без которого выборы равносильны «оставлению власти в руках сторонников всяких преступлений и потере навсегда случая обеспечить общественное счастье».

Буонаротти неоднократно настаивает на этом главном пункте и показывает, что требовать немедленной упорядоченной организации, сразу разрешить гражданам пользование политическими правами - все равно, что поместить в начале движения то, что является последним его этапом. Он замечает, что по тем же причинам наиболее горячие сторонники конституции 1793 г. и даже творцы ее требовали ее замены революционным правительством до наступления мира. Эти соображения, вместе с воспоминаниями о страшных битвах революции, приводят его к такому определению диктатуры или революционного правительства: «Это есть чрезвычайная и необходимая власть, посредством которой нация может вступить в полное обладание свободой, несмотря на господствующую развращенность - следствие ее бывшего рабства - и вопреки всем козням и враждебным замыслам внутренних и внешних врагов, соединившихся в заговоре против нас».

Это, быть может, лучшее из всех определений революционной диктатуры. Буонаротти, переживший революцию, знает, что она - не идиллия и что желание совершить ее путем любви и кротости было бы ребячеством. Он считает неизбежным сопротивление эксплуататоров делу освобождения. Ему ясно, что в течение того времени, которое он называет «переходом социального организма к новой жизни», богатые классы подвергаются многим лишениям и мало расположены терять не только свои богатства, но и скверные привычки, привитые им порочным воспитанием и дурным честолюбием. Он видит, как они ропщут, замышляют заговоры, и считает, что революционное правительство должно будет привести их к более разумным чувствам. Чтобы достичь этого добровольно или силой, революционное правительство должно будет не только отдать власть в твердые руки; оно должно будет применить строгую

цензуру и заставить молчать тех, кто «обладает секретом вваливания на других своей доли труда».

Буонаротти предвидит также, что сопротивление может оказать и значительная часть эксплуатируемых. Она не поднимается сразу, точно по мановению волшебной палочки, до понимания общественных интересов, и привилегированные, пользуясь ее несознательностью, ловко сумеют и помимо печати другими средствами развратить ее и толкнуть на мятеж. Поэтому, чтобы добиться серьезного роста общественного сознания, сопровождающего «постепенное восхождение» новых учреждений а коммунизму, Буонаротти рассчитывает, главным образом, на серьезное общественное воспитание. В сущности, революционная бабувистская диктатура является для Буонаротти не чем иным, как возможностью воспитания народных масс и подготовки их к сознательному управлению новым общественным строем.

Другая причина, толкающая Равных к отказу от системы широких выборов, заключалась в их недоверии к парламентариям и парламентаризму. У руководящих деятелей бабувизма можно отметить целое антипарламентское течение. Они всегда сурово относились к бывшим членам Конвента с их «двусмысленными шагами», «аристократическим высокомерием», «крайним малодушием» и любовью к политиканству. Буонаротти пишет. «Комитет был до того убежден в их неспособности на что-либо хорошее, что непростительным преступлением считал малейшее движение, которое предоставило бы им власть и этим заменило бы лишь одну тиранию другой».

В другом месте он пишет: «Победа над тиранией ничего не стоила бы, если бы не уверенность в том, что эта тирания будет заменена руководителями, воодушевленными чистой любовью к равенству. Необходимо было иметь людей, у которых взгляды, нравы и вся жизнь полностью гармонировали бы с духом учреждений, которые они призваны создавать».

Со стороны агентов Заговора наблюдается то же отвращение к бывшей «депутатской клике Конвента».

Маршалль и Бабеф пошли еще дальше по пути антипарламентаризма. Маршалль в одном из куплетов своей «Новой песни для предместий» высмеивал всех вообще депутатов: он называл их «машинами для производства декретов», «тихими дурачками», финансовые планы которых годятся только на растопку печей. В своей «Системе сокращения народонаселения» Бабеф написал следующие строки, от которых не откажутся и современные анархисты: «Перестаньте окружать народного избранника идолопоклонническим престижем, рабским фанатизмом, не приписывайте ему ложной идеи непогрешимости или, по меньшей мере, превосходства способностей над остальными гражданами. Нет, мой делегат не в состоянии творить больше чудес, нежели я сам. Пожаловав его достоинством народного избранника, я не имел возможности наделить его бесконечной мудростью; он остается таким же человеком, каким был до этого; он наделает столько же ошибок, сколько всякий другой, а может быть еще больше, так как его ослепляет блеск власти, которой я его нечаянно наделил».

Бабувистская диктатура: ее формы и средства

Членам Заговора, после принятия принципа диктатуры, оставалось разрешить два вопроса: во-первых, каким образом организовать эту диктатуру; во-вторых, какие меры диктатура должна немедленно принять для приготовления исподволь настоящего равенства?

Дебон и Дартэ не останавливались перед идеей диктатуры в худшем ее смысле, т.-е. перед «идеей исключительной власти, предоставленной одному человеку». Они думали вместе с Буонаротти, что революция, возможно, достигнет своей цели, если она предусмотрительно предоставит власть одному человеку - масштаба Робеспьера, вследствие этого они предлагали единоличную диктатуру.

Бабеф чувствовал определенное отвращение ко всему тому, что носило отпечаток узурпации власти и могло способствовать властолюбию. Он был одним из тех людей, которые боялись «магического слова» диктатура (пользуясь выражением Робеспьера в его знаменитой речи от 8-го термидора), признавая в то же время необходимость этой диктатуры. Поэтому он отклонял не только личную диктатуру, предложенную Дебоном и Дартэ, но и самый термин «диктатура». В этом пункте Буонаротти соглашался,

повидимому, с Бабефом, так как он постоянно употреблял выражение «революционное правительство» вместо «революционная диктатура».

Повстанческий Комитет, во всяком случае, формально отверг диктатуру одного человека, как дающую повод к тенденциозным толкованиям. Он остановился на решении провозгласить себя временным правительством; это должны были сделать парижские повстанцы, собравшиеся на площади Революции. К этой центральной власти, об ориентации которой не возникало никаких сомнений, он хотел присоединить собрание, составленное из демократов, по одному от каждого департамента. Это собрание было бы гарантировано от неожиданностей баллотировки предварительным подбором; народ затем должен был их провозгласить. Но, в результате переговоров с монтаньярами - членами Конвента, Тайная Директория была поставлена в необходимость разделить власть с собранием, насчитывающим около 170 депутатов: больше 60 изгнанных членов Конвента и 97 демократов, избранных от департаментов восставшим народом по его представлению. Это собрание вырабатывало бы законы, инициатива и исполнение которых были бы предоставлены временному правительству.

Сверх этих двух органов власти, заговорщики предусматривали немедленное назначение в департаменты и в армии генеральных комиссаров, не входящих в состав членов нового собрания. Этим комиссарам предоставлялись широкие полномочия: они должны были вести агитацию, открывать общества, преодолевать всякого рода сопротивление, оказывать поддержку деятельным демократам. Во избежание прежних злоупотреблений, комиссары должны были до вступления в должность заявить о своем имущественном положении, а после выполнения возложенной на них миссии они должны были дать отчет перед трибуналом, специально для этого учрежденным.

Члены Заговора считали также чрезвычайно важной мерой немедленное учреждение при революционной власти своего рода «университета равенства», нормальной семинарии, «куда собирались бы граждане из департаментов, по установленному заранее порядку, для изучения принципов новой Революции, для всестороннего знакомства с духом учения реформаторов», для подготовки к роли уполномоченных Республики Равных. Это, по существу как раз то, что сделала русская Советская власть, учредив коммунистические университеты - Свердлова в Москве и Зиновьева в Ленинграде.

Наконец, для укрепления аппарата диктатуры, бабувисты предусматривали создание народной гвардии и восстановление всех исполнительных комиссий при администрации департаментов и округов, городских самоуправлений, революционных комитетов, мировых судов и трибуналов по уголовным делам - в том виде, в каком они существовали до 9 термидора.

К немедленному проведению в жизнь новой властью были намечены такие главные меры: 1) Трудовая повинность для всех трудоспособных и лишение политических прав лиц, не обслуживающих общество «полезным трудом». 2) Предоставление жилищ бездомным в квартирах контр-революционных заговорщиков. 3) Всеобщее вооружение народа и обезоружение паразитов. 4) Воспрещение печати распространять ложь и клевету. 5) Прогрессивный натуральный налог на неучаствующих в создании национальных богатств и, в случае необходимости, право реквизиции «их избытков в продуктах или промышленных изделиях». 6) Раздача имущества старым защитникам Революции и беднякам во временное пользование. 7) Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников, всех собственников, запустивших хозяйства, всех разбогатевших на общественных должностях, всех осужденных или подлежащих осуждению в судебном порядке и приостановка продажи национальных имущества. 8) Отмена права наследства: все имущества, принадлежащие частным лицам, после их смерти переходят в собственность нации. 9) Развитие машинизма, направленного к экономии «человеческого труда», и использованию обработанных земель. 10) Учреждение в каждой коммуне общественных магазинов и создание выборного городского совета, представляющего все роды профессий и дающего директивы городской администрации в деле распределения, облегчения и улучшения работ. 11) Общее и равное для всех воспитание с профессиональным уклоном, дабы каждый гражданин был в состоянии заниматься надлежащим ремеслом и участвовать также в управлении предприятиями и в выработке законов, с целью уничтожения старой

бюрократии и возможности зарождения новой. 12) Государственная монополия на все концессии и договоры по внешней торговле. 13) Полная отмена денежной заработной платы в Республике. 14) Помощь старикам и инвалидам, бесплатная медицинская помощь.

Совершенно немыслимо войти здесь в детальное обсуждение этих мер и рассмотреть проекты экономических и административных декретов, составленных Буонаротти с величайшей тщательностью. Следует, во всяком случае, отметить, что некоторые меры совпадают с мерами II года, но на этот раз они совершенно освобождены, по выражению Буонаротти, от той «оболочки, которой депутаты, сторонники Равенства, были вынуждены прикрывать свои намерения». Эти намерения узаконены теперь официально, и это не только дань временной политической обстановке, диктующей крайние меры, а выражение коренных социальных тенденций, выражение коммунистической идеи.

Отсрочка конституции 1793 года

Подобно тому, как диктатура санкюлотов отсрочила применение конституции 1793 г. в интересах монтаньярской революции, диктатура Равных намерена была отложить введение конституции 1793 г. в интересах революции бабувистской.

Бабеф и Буонаротти имели совершенно определенные взгляды на вопрос о конституции. Об этом говорит уже их, понимание задач революционной власти. Но у нас есть и тексты, которые говорят об этом с надлежащей полнотой.

9 фримера IV года Бабеф писал в своей газете: «Ошибаются те, которые полагают, что я желаю лишь замены одной конституции другой. Мы гораздо больше нуждаемся в общественных институтах, чем в политических конституциях. Конституция 1793 года заслужила одобрение всех благонамеренных людей потому только, что подготовляла пути к этим институтам. Если бы она не вела к этой цели, я перестал бы восхищаться ею. Всякая конституция, оставляющая в силе человекоубийственные и бесчестные учреждения, перестает возбуждать во мне энтузиазм. Всякий, кто призван возродить своих ближних и продолжает барахтаться в старой рутине предыдущих Законодательств, в освященном варварстве, где одни счастливы, а другие несчастны, - он не будет в моих глазах законодателем: он не внушает мне уважения. Будем работать над основанием в первую голову хорошего строя, плебейского строя, и мы можем быть уверены, что за ним последует и хорошая конституция».

Не значит ли это, другими словами, что прочный плебейский строй важнее нежели конституция, как бы она хороша ни была? что конституция хороша лишь постольку, поскольку она позволяет основать этот строй? Следовательно, конституция - это лишь средство, но не цель. Можно в должно обходиться без нее, если она поддерживает, если она освящает старое гнусное различие между богачами и бедняками. «Самая демократическая конституция, - говорит Буонаротти, - будет всегда телом без души, предметом фракционной вражды, если не будет предварительно уставлен необходимый общественный строй».

Буонаротти прибавляет, что укрепление бабувистских учреждений и есть завершение революции и полное осуществление народного суверенитета, «т.-е. тот день, когда народ мирно воспользовался бы благами равенства, был бы тем самым днем, когда он мог бы осуществить во всей полноте свое право обсуждать законы, освященные Конституцией 1793 года». В какой промежуток времени рассчитывали Равные достигнуть этого дня? Иначе говоря, на какую продолжительность рассчитана революционная диктатура по их мнению?

Буонаротти говорит, что Повстанческий Комитет не считал для себя возможным фиксировать срок действия революционного правительства, но сам лично, в другом месте, он, повидимому, полагает, что достаточно было нескольких месяцев диктаторской власти для перехода к коммунизму. В этих двух утверждениях важно то, что Равные считали свою диктатуру временной.

Мы видели в другом месте, что эта диктатура была безличной и опиралась преимущественно на класс пролетариев. Она, таким образом, отличалась теми тремя основными чертами, которыми Карл Маркс позднее определял диктатуру пролетариата.

Бабувизм и марксизм

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы знаем уже, что марксизм соприкасается с бабувизмом не только в одном этом пункте.

Когда Маркс и Энгельс превращают глубокую и трагическую борьбу классов в принципы коммунистической борьбы; когда они показывают, как ведется эта борьба «то скрыто, то явно»; когда они объявляют себя сторонниками социальной революции, а пролетариат - единственным подлинно революционным классом; когда они беспощадно нападают на реформизм; когда они подчеркивают исключительное значение экономического вопроса; когда они рисуют чудовищное положение рабочих принужденных под страхом гибели продавать свой труд, как товар; когда они перечисляют ряд мер, которые пролетарская власть должна будет принять, как «средства революционирования всей системы производства» и т.д., - они лишь идут по следам Бабефа и Буонаротти.

И надо кстати отметить, что из всех предшествовавших им социалистических учений Маркс и Энгельс по-настоящему ценили один только бабувизм. В той части «Коммунистического Манифеста», где подвергнуты критике социалистические системы, соответствующие первому периоду еще не вполне развитой борьбы между пролетариатом и буржуазией, Маркс и Энгельс выделяют особо произведения Бабефа, за которыми они признают заслугу выявления требований пролетариата во время Французской Революции.

Коммунистический Манифест появился в 1847 г. К этому времени вышел в свет на немецком языке «Анализ учения Бабефа», а собственный, чрезвычайно важный труд Буонаротти о Заговоре Равных насчитывал уже несколько изданий в оригинале и переводах. Невозможно, чтобы ни одно из этих произведений не попало в руки основателей «научного социализма». Известно также, что Маркс с особенною любовью изучал историю Франции и, в частности как раз в это время занимался историей Французской Революции. Известно, наконец, что во время своих посещений и пребывания то в Париже, то в Брюсселе, Маркс и Энгельс вступали в сношения с революционерами разных школ, которые все испытывали, в разной мере, влияние Буонаротти. К тому же, произведение Буонаротти было чрезвычайно популярно в Союзе Справедливых (Bund der Gerechten), который был основан в Париже в 1836 г. и знакомил немецких рабочих и социалистов с основными принципами французского социализма. Неудивительно поэтому, что бабувизм оставил такие глубокие следы в марксизме.

«Бабеф, - пишет Габриэль Девиль, - это человек, который действительно вызвал к жизни социализм». На заре буржуазного господства, в отсталых экономических условиях своей эпохи, он был уже подлинным представителем социализма.

Он - социалист в том смысле, что дает нам общую теорию преобразования системы собственности; что он освещает, с одной стороны, борьбу классов, а с другой - анархию общества. Он - социалист еще в том смысле, что он рассматривает факты и идеи через классовую призму и что он наотрез отказывается от временных мер и искусных заплат, предлагаемых демократами, которые объявляют себя сторонниками рабочего класса, а социальную действительность между тем рассматривают сквозь закоптелые очки буржуазии. Он - социалист еще и потому, что он не строит воздушных замков, а впрягает себя в положительную работу; что он призывает к действию, организует армию революции и дает ей устройство и средства борьбы в соответствии с ее целями. Он - также социалист потому, что не застывает в неподвижных формах, умеет применяться к изменяющейся действительности, проверяет свои мысли на фактах и обновляет мысли по мере развития событий. У него, как это подчеркнул Жорес, «мысль и действие вырывались наружу, точно два пламенных потока, и сливались вместе».

Но в известном смысле он является также представителем утопического социализма. Он ведет борьбу во имя естественного права. У него отсутствуют если не мысли, то, по крайней мере, попытки к международному объединению и выступлению рабочих. Наконец, он хочет переступить границы, налагаемые эпохой; он думает ввести коммунизм, хотя нет на-лицо необходимых объективных условий для осуществления этой социальной системы.

Если бы выступление Равных и удалось, их социальная попытка была бы осуждена на неудачу. Она, в лучшем случае, привела бы лишь к расширению рамок революционного режима II года. Известно, что произошло в действительности: заговор потерпел неудачу. Но партия Равных, обезглавленная, на время скрывшаяся, вновь появилась на политической сцене после 18-го фруктидора V года.

В VII году она опять приходит в движение. Красный призрак появляется вновь перед испуганной буржуазией и толкает ее в объятия «спасителя» Бонапарта. Это была последняя попытка Равных, но еще не конец бабувизма. Пережившие Заговор, особенно Буонаротти, считали своим долгом передать новым поколениям урок, пример и память первого французского коммунистического движения.

В 1836 г. Шарль Нодье писал: «Вот уже около сорока лет прошло со смерти Бабефа, но его партия жива, потому что даже в крайностях Бабефа заключались истины, с которыми не согласится ни одно правительство, но которые никогда не умрут».

И действительно, партия Равных оставалась живой все это время. Ее подлинный представитель Буонаротти считался руководителем и как бы пророком рабочего и социалистического авангарда. Он вдохновлял демократические общества. Повстанцы Лиона обращались к нему за советами. Вуайе д'Аржансон, Тест, Треля, Орео, Распайль, Луи Блан, сенсимонист Женевау, героический и грозный Бланки находились под его непосредственным влиянием. Бюше и Ру, Пьер Леру старались привлечь его к своим предприятиям. «История Заговора Равных» выдержала уже тогда во Франции два издания. В организации и воспитании французской социалистической партии огромная доля работы принадлежит бабувизму.

Не менее значительная роль принадлежит ему и в истории бельгийского социализма. Буонаротти был первым проводником коммунистических идей в Бельгии и оказывал глубокое влияние на двух знаменитых публицистов того времени - Феликса Деласа и Потера.

Швейцарский и английский социализм также многим обязаны бабувизму. Когда после майских дней 1839 года преследуемый и затравленный рабочий портной Вильгельм Вейтлинг из «Союза Справедливых» скрывается в Швейцарии и возобновляет там свою коммунистическую пропаганду, он находит среди передовых людей кантона Во почву, уже подготовленную Буонаротти. В этом именно кантоне, из семян, брошенных бабувизмом, Вейтлингу удается вырастить свои первые боевые группы.

Весьма вероятно, что Буонаротти находился в сношениях с Робертом Оуэном, хотя последний, подобно Леру и Кабэ, не признавал революционного насилия. Во всяком случае, глава чартистов, Бронтерр О'Бриен, черпал свои мысли у самого источника бабувизма. Он открыто называл себя учеником Неподкупного и переводил книгу Буонаротти.

С другой стороны, Фурье и Прудон, как бы далеки они ни были от бабувизма, занимаясь глубокой разработкой социальных идей, возродили, сами этого не сознавая, некоторые формулы Бабефа и Буонаротти. Кабэ и Виктор Консидеран во многом вдохновляются учением бабувистов, даже когда они отрекаются от них. Кабэ, впрочем, сознается, что читал «Историю» Буонаротти в 1830 году и воспринял тогда ее коммунистические идеи. Он говорит буквально, что он «с успехом пользовался» произведениями Бабефа и Буонаротти. Виктор Консидеран с удивлением отмечает в 1833 г., что школа бабувистов все еще живет. Он видит в бабувизме «социализм в зародыше», «своего рода допотопный продукт социалистической мысли XVIII века». Он ставит в упрек бабувизму его насильственный и заговорческий характер. Преклоняясь с восхищением перед Бабефом, Виктор Консидеран собирался описать его жизнь и трагическую одиссею. В представлении Консидерана, Бабеф - это человек, охваченный двумя страстями: «любовью к угнетенным» и «ненавистью к угнетателям».

Лапоннерэ, Лаотьер и Дезами, наиболее деятельные коммунисты времен июльской монархии, открыто называют себя бабувистами.

В момент, когда, по колоритному выражению Лиссагарэ, «импотент Наполеон III пробует омолодиться либеральным напитком», целое поколение людей, которое вскоре подымет знамя коммунизма, в порыве жажды знания ищет в истории Великой Революции пути и для своей борьбы. Можно ли учесть влияние, которое производила на всю эту

эту молодежь книга Буонаротти, ставшая своего рода руководством для социалистического восстания?

В самой Коммуне восседал, как живая традиция, Адольф Клеманс, внук бабувиста Клеманса. А когда в ноябре 1877 года был основан первый французский марксистский журнал «Равенство», он открыл серию фельетонов статьей «О Заговоре Равных». И действительно, пропагандисты марксизма во Франции, основатели рабочей партии, желая воскресить живую и славную традицию, не нашли бы лучшей, чем у Равных. И, значит, не без основания 15 июня 1896 года в палате депутатов Альберт де-Мэн²⁰ повернулся к скамье социалистов и воскликнул: «Вы ведете свое происхождение от Заговора Бабефа и Республики Равных!» - на что, Жюль Гэд ответил: «Мы охотно принимаем их в свои патроны». Тот же Гэд на следующий день, в своем ответе депутату правых, и его ученик- марксист Габриэль Девиль - на 4 конгрессе социалистических организаций в 1902 году еще раз заявили себя последователями великого Бабефа.

Теперь понятно, почему большевики, верные ученики Маркса, а через Маркса и Бабефа, без затруднения усвоили в своей программе значительную часть мер, которые предлагались Равными. Ленин называет себя «якобинцем, опирающимся на рабочий класс». Жак Садуль видит в «Манифесте Равных» Сильвена Марешаля «зародыш большевизма». Оба правы, но этого еще не достаточно. Существует поразительное сходство, бесспорное родство между учением, организацией и методами борьбы Заговора Равных и Российской Коммунистической Партии.

Заговор Равных - это и есть начало современного пролетарского революционного движения.

О Бабефе и заговоре Равных в нашей библиотеке и на других интернет-ресурсах:

[Бабеф. Письмо жене 25 июля 1789 г.](#)

[Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г.](#)

[Бабеф. О системе уничтожения населения, или жизнь и преступления Каррье](#)

[Бабеф. Манифест плебеев](#)

[Г.Черткова. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или заговор равных?](#)

[Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию](#)

[Я.Старосельский. Бабеф и якобинская диктатура](#)

[Д.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы](#)

[К.Добролюбский. Термидор](#)

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf

П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf

П.Щеголев. После термидора (очерки по истории термидорианской реакции) http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf

Новые документы Гракха Бабефа (1789-1792) http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babef/new_dok_vopr_istorii.htm

Два обращения Бабефа (1795) http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babef/julien_posle_9_thermidora.htm

Бабувистский фольклор (1795-1798) http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babuv_folklor/text.htm

Бабеф. Письмо к А. Лами (21.02.1791) http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Babef/brief_lami_21_02_1791.htm

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ 12. Политические и правовые учения во Франции XVIII в. § 7 Проблемы государства и права в документах «Заговора во имя равенства» Бабеф <http://feelosophy.narod.ru/leist/L12.HTM#L127>

МОРИС ДОМАНЖЕ

БАБЕФ и ЗАГОВОР РАВНЫХ

Ленинград: «Прибой». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

²⁰ Депутат клерикальной партии во французском парламенте. Умер во время мировой войны.

